

С/книг
Б 92

Камбараны
Бобулов

Остров любви

С(кирг)
Б 72

Камбаралы
Бобулов

Остров любви

КНИГА СТИХОВ

Перевод с киргизского
Светланы Кузнецовой

ОШСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ N 158/131

ФРУНЗЕ
«КЫРГЫЗСТАН»
1982

★ СЕКТОР
КР. СВЕДЕНИЯ

84 Кп 7
Б 72

Рецензенты *А. Марченко, В. Шаповалов.*
Художник *Л. Ильяна*

Б $\frac{70403-179}{М 451 (17)-82}$ 159-82.4702280200

© Перевод с киргизского, составление, художественное оформление. Издательство «Кыргызстан», 1982.

Отчизна моя - Ала-Тоо

НОСТАЛЬГИЯ

Может, из алмаза — Ала-Тоо,
Может быть, из слитка золотого?
Нет земли дороже на планете,
За нее отдам я все на свете.

Может, Иссык-Куль — из слез кристальных?
Плачу по нему в дорогах дальних.
Нет на свете озера роднее,
С берегов его мне даль виднее.

В ЭТОМ ДОМЕ

В ЭТОМ ДОМЕ

Этот дом своей душою я не покину,
Ибо в нем перерезали мне пуговину.
Возвратившись сюда после долгих дорог,
Без волнения не встать на знакомый порог.

В этом доме родители богу молились,
Чтоб сыны их на фронте победы добились,
Чтобы братья мои воротились с войны.
В этом доме война ворвалась в мои сны.

В этом доме знавал я голодные годы,
Здесь на детские плечи легли недороды,
Здесь от бед укрывало, даря мне тепло,
Материнской любви золотое крыло.

В этом доме узнал я вкус черного хлеба
И земли доброту, и безжалостность неба,
В этом доме изведал я слезы и смех,
Горечь первых утрат, сладость первых утех.

В этом доме когда-то читать научился,
С Токтогулом и Пушкиным здесь подружился,
Мудрость нашего эноса здесь ощутил,
Прикоснулся впервые к величью светил.

Радость слова открыл для себя в этом доме,
Здесь мечтать научился в бессонной истоме.
Здесь я первые строки свои написал,
И отсюда стихи я в газету послал.

В этом доме впервые влюбился я нежно,
А крушение первой любви неизбежно,
Равнодушье любимой с трудом перенес
И мечтал умереть, словно выгнанный пес.

В этом доме жилось мне то славно, то плохо,
Здесь ни мало ни много прошло, а — эпоха.
В этом доме звучат и звучат без конца
Голос матери милой и голос отца.

Замираю я вновь у родного порога.
Смотрит дом на меня и печально и строго.
Пусть вернуть невозможно те давние дни,
Но доныне мне жить помогают они.

АК-КАЛПАК¹

Что войлочной шляпе киргизов подобно?
Она белизною особой бела,
Так было когда-то народу угодно,
Чтоб чище снегов эта шляпа была.

На что глубина Пессык-Куля похожа,
И с чем высоту Ала-Тоо сравню,
И грозный Нарын, что струится, потока
Все нужное нашему новому дню?

Не надо сравнений, — бессильны сравнения.
Я счастлив, что в этом родился краю,
Что здесь я умру, что свои озарения
Родному народу от сердца дарю.

¹ Ак-калпак — национальный войлочный головной убор киргизов.

* * *

Мой народ киргизский, где б ни был я,
Ты опора моя, ты сила моя,
Животворный луч, драгоценный клад,
Лишь с тобою в жизни покой и лад.

Мой народ киргизский, моя душа,
Я внимаю песне твоей не дыша,
У тебя, народ, учусь широте,
Вековой мудрости, доброте.

Мой народ киргизский, ты свет во мгле,
Припадаю я к дорогой земле,
Я опять к земле припадаю той,
Не к серебряной — к золотой.

Мой народ киргизский, ты хлеб и соль,
Моя совесть, моя дорогая боль,
Позовешь — на бой за тебя пойду,
Отстою свой край, прогоню беду.

Пессык-Кулем мерю я глубь твою,
Ала-Тоо мерю я высь твою,
Но ничем не измерить к тебе любовь,
Ибо ты с рожденья вошел мне в кровь.

СТОЛИЦА МОЯ

Сегодня слова мои об одном,
О том, что вижу я сам воочию, —
Столица моя, ты прекрасна днем,
Столица моя, ты прекрасна ночью.

О, Фрунзе, тебя ни с чем не сравню,
Тоска по тебе сжимает мне горло,
Тебя я так высоко ценю,
Как ни один прославленный город.

Я рвусь к тебе сердцем издавека,
Меня по тебе моя память кружит,
С тобою была мне доля легка,
Ты город любви моей, город дружбы.

Я был скакуном на земле твоей,
Я беркутом был в твоём небе снею,
Тебя я просил, — ты печаль развей,
Ты сделай весомым мое усилье.

Столица моя, разливая свет,
Полна ты жизни, полна движенья.
Тебе сегодня ровно сто лет,
Прими горячие поздравленья.

Пусть будет в жизни много труда,
Пусть будет звонко в ней и тревожно.
Столица, ты так еще молода,
Что пред тобой стареть невозможно.

1978 г.

МОЙ ГОРОД ОШ

Дорогой, любимый Ош
Давней радостью хорош.
Ты мне в зрелости — утеха,
Золотого смеха эхо.

Ош, я рос с тобою вместе.
На излюбленном мной месте,
Над рекой Ак-Буурой
Гайну мне свою открой —

Тайну молодости вечной,
Тайну щедрости сердечной,
Тайну вечного движенья
И земного притяженья.

* * *

Казахский народ, ты сосед мой ближайший,
И счастье и горе деливший сосед.
Прими же сегодня поклон мой ближайший
Ты, в сердце киргиза оставивший след.

Казахский народ, ты мой вечный попутчик,
Историей связаны мы навсегда,
Мой верный советчик, что стойкости учит,
Что мужеству учит все эти года.

Я понял, прошедшее взглядом окинув,
Что вправе считать себя братом твоим.
Когда ты хоронишь великих акынов,
Мы рядом с тобою у гроба стоим.

Когда ты свой праздничный той¹ затеваешь,
Я звонкую радость с тобою делю.
Когда запеваю, ты мне подпеваешь,
Прими же сегодня ты нежность мою.

Приди ко мне поздно, приди ко мне рано,
Я дом широко пред тобой распахну
И голову лучшего в стаде барана
С почетом на блюде тебе протяну.

¹ Той — праздник.

* * *

Скажи, Нарын, ты счастья ли река,
Что нас манит к себе издалика?
Что ты сердца врачуешь, мой Нарын,
Я это для себя давно открыл.

Волнение мое — твоя волна,
Она народной волею вольна.
Бери же силы у родной земли,
Теки, Нарын, киши, Нарын, бурли!

* * *

Когда я прохожу по Красной площади
И вижу знамя, что над ней полощется,
И вижу эти стены-неполны,
И понимаю — мы непобедимы.

Сюда приходят люди всей земли,
Которые здесь крылья обрели.
Сюда идут индус, араб и немец,
Здесь друг — мудрец.
Здесь наш враг — немец.

Здесь речь вождя звучит для всей планеты,
Здесь каждому находят ответы.
Здесь имя Ленин — это имя правды,
Которая строю нашей правит.

ПРАЗДНИК У НАС В АЛА-ТОО

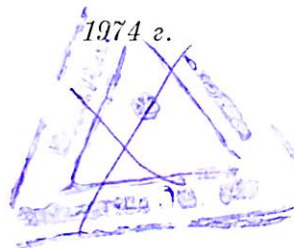
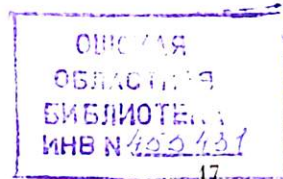
Сегодня праздник у нас в Ала-Тоо.
С утра оседлали тулпаров джигиты,
Стоят на границе, встретить готовы
Друзей дорогих, гостей именитых.

Сегодня праздник у нас в Ала-Тоо.
Столы наши ломятся от угощенья,
Молодki веселья полны озорного,
Девuцы полны озорного смущенья.

Сегодня праздник у нас в Ала-Тоо.
Его принимает народ, как награду,
Румяны мы, выпив кумысу густого,
Враги же бледны, словно выпили яду.

Сегодня праздник у нас в Ала-Тоо.
Как мы изменились за эти полвека,
Мы празднуем счастья приход золотого,
Уверенность в завтрашнем дне человека.

Сегодня праздник у нас в Ала-Тоо.
С утра оседлали тулпаров джигиты,
Стоят на границе, встретить готовы
Друзей дорогих, гостей именитых.

ПИСЬМО С ДЖАЙЛОО

Милый друг, мы скоро умрем от лени,
Конь под ливнем падает на колени,
Прохудилось над нами надолго небо,
Об охоте думать сейчас нелепо.

Мы не пьем кумыс, о солнце мечтаем,
Мы, грустя, бесполезные дни считаем,
Повинуясь прихоти небосвода,
Тяжела бывает жизнь скотовода.

Чабанам наше общество надоело,
Ведь у них все время большое дело,
И им руки готов целовать при встрече,
Бесконечно слушать готов их речи.

Так чисты их мысли, чисты их лица,
Что гордиться ими должна столица,
Эти люди очень нужны отчизне.
Я желаю им долгой, счастливой жизни.

АЛАЙСКИЕ МОТИВЫ

* * *

Снятся мне Чон-Алая¹ большие просторы,
Там пасутся стада, лает звонко собака,
Там от далей легко утомляются взоры,
Там табунщик стегает камчой аргамака.

Снятся мне Чон-Алая огромное небо,
В этом небе для беркутов много свободы.
Пусть колхозникам хватит и мяса и хлеба,
Как бы долго ни жились на них непогоды.

Снятся мне Чон-Алая краса молодая —
Та, что вправе со мною насмешничать вольно.
Я согласен, чтоб утром, кумыс подавая,
Уцлинула она меня больно-пребольно.

* * *

Есть перевал на Чон-Алае, где лошадь не пройдет,
А коль пройдет, то человек погибеть там найдет,
По этим летом, как в реке поднимется вода,
Мы непременно, друг, с тобой отправимся туда.

Объездим там мы все хребты, чтоб взоры утолить,
Парвем лекарственной травы, чтоб тело исцелить,
Нам скотоводы подадут кумыс и джуурат²,
Там каждый встречный нам с тобой всем сердцем будет рад.

¹ Чон-Алай — знаменитая долина Киргизии, граничащая с Китаем.

² Джуурат — вид кислого молока.

Как в детстве, мы стегнем коней, чтоб стало на душе
Легко, как в детстве. От дождя спасемся в шалаше.
Костер высокий разведем из высохшей арчи,
Чтобы он, как маяк, ател издалика в ночи.

Доверят скот нам сторожить, потрудимся с тобой,
Бедь не чуралась никогда работы мы любой.
Давай туда на Чон-Алай поедем, добрый друг.
Глядишь, красавицы еще там влюбятся в нас вдруг.

* * *

За Чон-Алаем есть киргизы тоже.
Как вспомню я о них — мороз по коже.
Я знаю, что приходится им туго:
Замучили их там, загнали в угол.

О них до нас с трудом доходят вести.
Не позабыли б свой язык и песни,
А мы их не забудем никогда,
Беда их — наша общая беда.

* * *

Скучаю по кумысу Чон-Алая,
А может быть, по той, что поднесла.
Была она такая молодая,
Красивая и броская была.

Скучаю я по лисам Чон-Алая,
А может быть, лишь по одной лисе,
Всей памятью сердечной принадаю
К той озорной, насмешливой красе.

* * *

Кто никогда не попробовал пенный кумыс Чон-Алая,
Кто не любил лучезарную дочь Чон-Алая,
Знает пусть — он своей жизни звезду притушил,
Сколько бы славного он на веку ни свершил.

Счастлив я тем, что пил пенный кумыс Чон-Алая,
Счастлив я тем, что любил лучезарную дочь Чон-Алая,
Что до сих пор я о давней любви той пою,
Счастье свое от хороших людей не таю.

СТИХИ О МАТЕРИ

* * *

— Мама, мама, сын твой просит
Разобраться в сне жестоком:
Снилось, что меня уносит
Бурным, пенным потоком.

— Сын, оставь свой страх напрасный, —
Это жизнь тебя помчала,
Путь стремительный и ясный
Прямо к цели указала.

— Мама, мама, сон мне снится,
Будто в месте незнакомом
Я измученный томился,
Страшным выслежен драконом.

— Сын, счастливою печатью
Сон твой пынениый отмечен, —
Нам драконы снятся к счастью,
Это счастьем ты замечен.

— Мама, мама, друг мой милый,
Сын твой выживет едва ли, —
Видел я во сне могилы,
В них покойники стонали.

— Сын мой, сны такие редки, —
Будешь жить сто лет и доле,
Потому что это предки
О твоей молились доле.

* * *

Помню, мама меня корила,
Помню, мама мне говорила:
— Береги свое имя, сын,
Ты судьбе своей господин.

Есть у счастья спутник опасный,
Страшный, как азраил¹ ужасный,
Он заставит тебя свернуть
На неправедный ложный путь.

Берегись его жадной пасти,
Сторонись, как лихой напасти.
Есть у счастья спутник второй,
Вот ему ты сердце открой.

Спутник этот правдив и честен,
Он хорошим людям известен.
Будь, сынок мой, правдив и смел,
Если счастье добыть сумел.

¹ Азраил — злой дух.

* * *

Я с чудовищем страшным во сне
До рассвета однажды сражался,
Моя смерть приближалась ко мне,
Я уже на ногах не держался.

Извергала потоки огня
Рта зубастого красная яма,
И в отчаянье выкрикнул я
Это слово заветное — мама!

Громкий крик мой доселе звенит
В той почтой одинокой округе.
Пробудился я — мама стоит
Над моим изголовьем в испуге.

Никого нет к нам в мире добрей,
Потому их в беде призываем,
Но передко своих матерей,
Если все хорошо, забываем.

Мужа может покинуть жена
И не только покинуть, ославить,
Только мать будет сыну верна,
Только мать нас не может оставить.

Верный друг нас способен предать,
Дружбу часто мы этим итожим,
Лишь от матери нашей мы ждать
Вероломной измены не можем.

Мама нам, словно солнце, светит.
Мать жива — не один ты на свете.

* * *

Апаке¹, пусть в земле тебе будет мягко,
Пусть тебе будет спаться в земле той сладко.
Я, рыдая горько, ломаю руки,
Я клянусь, что горше не знал разлуки.

Апаке, пусть земля тебе пухом будет,
Коль сыновий стоп тебя не разбудит.
На твоей могиле я горько плачу.
Что без мамы сегодня я в жизни значу?

Разорваться сердце мое готово.
Ты была опорой, как Ала-Тоо,
Ты дала мне силу, дала мне крылья,
Только ради тебя посещал аил я.

И аил, и дом, — все стоит, как раньше,
Лишь тебя здесь нет, — не закрыться ране,
Никогда тебя не услышу боле,
Никуда не денусь от страшной боли.

Апаке, пусть в земле тебе будет мягко,
Пусть тебе будет спаться в земле той сладко.
Я, рыдая горько, ломаю руки,
Я клянусь, что горше не знал разлуки.

¹ Апаке — матушка.

* * *

Апаке, океану подобно горе,
Мне тесна земля на его просторе.
Нет тебя — значит солнце погасло в мире,
Не знавал я горя глубже и шире.

Не оправлюсь долго я от удара.
Мама, ты была высока, как чинара.
Мама, ты была велика, как отчизна.
Долго в сердце сына продлится тризна.

Не могу смеяться — нет больше мамы.
С кем теперь поделюсь сокровенным самым?
Тяжесть этой потери до срока горбит,
Треплет волосы ветер суровой скорби.

* * *

Апаке, побелела твоя коса.
Апаке, потускнели твои глаза.
Я привез из Коканда тебе платок,
Ярко алый, словно живой цветок.

Апаке, вспомни годы лучшей поры.
Я привез тебе пчиги из Бухары.
Апаке, не спрашивай о цене.
Их надев, доставишь ты радость мне.

Я привез из Оша тебе сладостей,
Угощай ты ими своих гостей.
Что же так безмолвна ты и бледна?
Велика, как видно, моя вина.

Апаке, купил я индийский шелк,
Самый яркий на платье тебе нашел.
Из Кашкара привез я тебе парчу,
Я нарядной маму видеть хочу.

Апаке, что хочешь я привезу,
Поцелую вытру твою слезу.
Руки добрые я прижму к губам,
Если надо, жизнь за тебя отдам.

Но слова напрасны, ведь ты мертва,
Над могилой горькой шумит трава.
На далеком, горестном рубеже
Не нужны тебе подарки уже.

Апаке, как прежде, меня не ждешь,
Мое сердце этим на части рвешь.
Поселилась в сердце моем печаль.
Пеленою черной покрылась даль.

* * *

Анаке, хочу я сказок твоих,
Много мужества я почерпнул из них,
С великанами в них затевал борьбу,
В них свободу я даровал рабу.

Анаке, хочу я песен твоих,
Много нежности я почерпнул из них,
«Исфайру»¹ ты спой, буду слушать я,
Восхищеньем сердце свое томя.

Анаке, хочу я наставлений твоих,
Много мудрости я почерпнул из них,
Хоть за сорок мне, нужен твой совет,
Но тебя на свете уж больше нет.

¹ «Исфайра» — известная колыбельная песня.

* * *

Анаке, расскажи про джайлоо,
Где прошли твои лучшие годы,
Прикоснись снова к боли былого,
Воскреси для меня те невзгоды.

Слишком поздно понять довелось мне,
Оценить по достоинству муки,
Как собирала ты в поле колосья,
Как болели усталые руки.

Расскажи, как печурку топила,
Расскажи, как вставала ты рано,
Как любимую дочь схоронила,
Как болела и ныла та рана.

Как вся жизнь оказалась на сломе,
Как с войны сыновей дождала,
Как ковер свой, единственный в доме,
На муку для детей обменяла.

Как одна ты растила детишек,
Переваливала через горы,
Мудрость черпала ты не из книжек,
Но судьбе не бросала укоры.

Как посмел бы я вырасти слабым?
Анаке, твои руки целую,
Преклоняясь пред мужеством славным,
Выхожу на дорогу прямую.

Анаке, твоей честью я честен.
Анаке, мне пример — твоя совесть.
Пусть твой подвиг другим неизвестен,
Мне известна прекрасная повесть.

Анаке, пусть сгущается вечер,
Пусть меняются наши обличья,
В сердце сына ты жить будешь вечно,
Озаренная светом величья.

* * *

Анаке, я рыдал на твоей могиле,
Я погтями землю рвал на могиле.
Потеряв, как будто, всю свою силу,
Сиротливо гляжу на твою могилу.

Сиротливо сижу у твоей могилы.
Мне былые успехи теперь не милы.
Не могу принять я судьбы решение,
На твое надеюсь я воскрешенье.

Если ты воскресла бы, о создатель,
Сколько сладких мгнов могла б ты дать мне,
Сколько б раз меня ты могла утешить,
Материнской лаской своей потешить.

Видя сына милого в нестунленье,
Его голову на свои колени
Положила б ты, чтобы молча гладить,
Вот тогда б сумел он с жизнью поладить.

Анаке, целовал бы тебя я тихо,
Отступало б от сердца злобное лихо.
Пусть минута эта длилась годами,
Пусть века летели б тогда над нами.

От великой радости пали б горы,
Расцвели б садами вокруг просторы...
Но действительность ту мечту разбила,
Я открыл глаза — предо мной могила.

Во сне сегодня радость праздную,
Сейчас тебя найду, —
Вон ты корову нашу красную
Ведешь на поводу.

К тебе бросаюсь я и плачу,
Но ты уходишь вдаль.
Я ничего уже не значу,
Тебе меня не жаль.

Уходишь, покидая сына.
Он на земле один.
Живой ты в сердце быть повинна,
Пока живет твой сын.

Во сне опять я растревожил рану.
Ты поднесла мне сладкого айрану.
Я пил из чаши и не мог напиться.
Я пил, и все не мог остановиться.

Я пил айран, понав в ночную сказку,
А ты глядела, излучая ласку.
Была бездонна чаша. Ты глядела.
Так незаметно ночь вся пролетела.

Такое приключается однажды.
Я пил айран и умирал от жажды.
Был тот айран необычайно лаком.
Всю ночь я пил. Проснулся. И заплакал.

* * *

Красны горы Джатана.
Прекрасны горы Джатана.
Отца моего могила
На склонах Джатана.

Неизменны горы Джатана.
Священны горы Джатана.
Матери милой могила
На склонах Джатана.

Красны горы Джатана.
Пусть будет моим родителям
Пухом земля Джатана,
Кровом земля Джатана.

СТИХИ ОБ ИССЫК-КУЛЕ

* * *

Вздывается волна, как синяя гора.
Стекает пена вниз потоком серебра.
Я плачу, Иссык-Куль, когда ты спишь мне,
Когда мы хоть во сне с тобой наедине.
Я знаю, без тебя душа моя остынет.
Всегда стремлюсь к тебе, народная святыня.

* * *

Мой Иссык-Куль, забыв о всех кручинах,
Резвился рыбой и в твоих пучинах.
Я берегом прошел вдоль всех твоих дорог,
Но утолить любви к тебе не смог.

Мой Иссык-Куль, прекрасное творенье,
Ты мне всегда даруешь вдохновенье,
Как опытный, как мудрый, чуткий врач,
Врачуешь от житейских неудач.

Мой Иссык-Куль твоя волна — то средство,
Которое мне возвращает детство.
Твоя волна, взлетая в небеса,
Мне возвращает веру в чудеса.

Мой Иссык-Куль, когда ты отдыхаешь,
Когда спокойной гладью затихаешь,
Когда лишь чаек голоса слышны,
Мне горизонты дальние видны.

Мой Иссык-Куль, забыв о всех кручинах,
Резвился рыбой я в твоих пучинах.
Я берегом прошел вдоль всех твоих дорог,
Но утолить любви к тебе не смог.

* * *

Иссык-Куль, твои волны, как горы,
Удивляют величием взоры.
Страшен ты, когда грозно рокочешь,
Пад пугливыми громко хохочешь.

Зря пытаются слабые души
От волнения укрыться на суше, —
Их и там догоняет твой ропот,
Их и там настигает твой грохот.

Но добро — твоя суть и основа.
Что такое, скажи, Ала-Тоо?
Ала-Тоо — волна Иссык-Куля,
Что застыла, наш край карауля.

* * *

Мой Исык-Куль, забыв о всех кручинах,
Резвился рыбой я в твоих пучинах.
Я берегом прошел вдоль всех твоих дорог,
Но утолить любви к тебе не смог.

Мой Исык-Куль, прекрасное творенье,
Ты мне всегда даруешь вдохновение,
Как опытный, как мудрый, чуткий врач,
Врачуешь от житейских неудач.

Мой Исык-Куль твоя волна — то средство,
Которое мне возвращает детство.
Твоя волна, взлетая в небеса,
Мне возвращает веру в чудеса.

Мой Исык-Куль, когда ты отдыхаешь,
Когда спокойной гладью затихаешь,
Когда лишь чаек голоса слышны,
Мне горизонты дальние видны.

Мой Исык-Куль, забыв о всех кручинах,
Резвился рыбой я в твоих пучинах.
Я берегом прошел вдоль всех твоих дорог,
Но утолить любви к тебе не смог.

* * *

Исык-Куль, твои волны, как горы,
Удивляют величием взоры.
Страшен ты, когда грозно рокочешь,
Над пугливыми громко хохочешь.

Зря пытаются слабые души
От волнения укрыться на суше, —
Их и там догоняет твой ропот,
Их и там настигает твой грохот.

По добро — твоя суть и основа.
Что такое, скажи, Ала-Тоо?
Ала-Тоо — волна Исык-Куля,
Что застыла, наш край карауля.

* * *

Какая музыка звучит над Иссык-Кулем!
Вот облака в лазури промелькнули,
Вот тысяча промчалась лошадей,
Вот засмеялась тысяча людей.

Вот улыбнулась девушка счастливая...
Звучит над миром музыка красивая.
Кто это так настроил твой комуз,
О, Иссык-Куль, любимец нежных муз?

* * *

Не гнечи судьбу, коль тебе
Иссык-Куль явился в судьбе,
Постидай его сиңеву,
Сопрричастным будь к торжеству.

Чистоту его постидай,
От обиды оберегай,
Грудью стой за него, как воин,
Так как верности он достоин.

* * *

Я готов на признание.
Вот он, мой новый стих.
Несык-Куля сверканье —
Дней сверканье моих.

Несык-Куля волненье,
То волненье мое,
То души откровенье,
Вдохновенье само.

Здесь пьянит меня воздух,
Всех напитков хмельней.
Несык-Кульские звезды —
Звезды жизни моей.

* * *

Синья, лежит здесь озеро.
О милой скучая сильно,
Брожу я над гладью синей.
На сердце ложится иней.

Синья, лежит здесь озеро.
Здесь пахнет свежо и пряно.
Какая же будет радость,
Когда поплывем мы рядом.

Синья, лежит здесь озеро.
На темно-синем востоке
Здесь синий рассвет восходит.
Приди, раздели восторги.

* * *

Иссык-Куль, я так тобой пленен,
Так тобой безмерно покорен,
Что меня гнетет, страшит разлука.
Хочешь, опущусь на дно без звука?

Хочешь, стану ловкой белой рыбой,
Хочешь — просто каменною глыбой?
Если камнем я тебе не мил,
Преврати меня хоть в серый пл.

* * *

Синь падо мною, и синь подо мною.
Я ослеплен этой синью сплошною.
Мысли лучисты, светлы и игривы.
Чайки — мечты мои, волны — порывы.

Образ за образом, как наводнение.
Тысячью брызг разлетелось сомненье.
Строки текут, словно снята запруда.
Полно, куда мне стремиться отсюда?

* * *

Как озеро, волнуется душа,
Губя надежды и мечты круша.
Воспоминанья в клочья рвет, как пену,
Душа моя, предчувствуя измену.

И мысли, как встревоженные чайки,
Над будущим моим кричат отчаянно.
Когда же небо вновь поглубеет?
Когда душа от горя поглубеет?

* * *

Сегодня мне подумалось такое,
Сегодня я негаданно открыл,—
Ты, дорогая,— Иссык-Куль в покое,
А я, я — мимо мчащийся Нарын.

Ты — Иссык-Куль, а это значит — надо
Мне через горы проложить свой путь,
Чтоб на груди твоей, моя отрада,
Чтоб на груди спокойной отдохнуть.

* * *

Кто это всходит — солнце или ты?
Душа в смятенье, берега пусты.
Но чей-то голос слышен надо мной,
Но чей-то образ вьется над волной.

То мечется в страданиях душа,
Одной тобой, любимая, дыша.
То я страдаю, вспомнив тихий смех
И те слова, что памятнее всех.

Возможно, ты русалкой приплывешь,
Вслед за собою в волны позовешь.
Махни скорее, милая, рукой,
Верни мне мой утраченный покой.

* * *

На озерный берег встану в тоске.
Ляжет четкий след на сыром песке.
Песык-Куль, у меня желание одно, —
Положи меня белым камнем на дно.

Будет белый цветок у меня в руках.
Будут петь русалки в белых платках.
Целый белый день, целый белый век
Не открою я своих белых век.

Я пришел к тебе в этот белый час,
Чтобы ты меня от печали спас.
От напасти лютой, как друг, храня,
Полюби меня, погуби меня.

* * *

Пишешь, чурек¹ моя, что ты скучаешь,
Что одинокие дни ты считаешь.
Пишешь, чурек моя, что ожиданье
Жизнь для тебя превратило в страданье.

Сам по тебе я в великой печали,
Волны печали той не укачали.
Мне утешенье — последняя встреча,
Мне утешенье — прощальный наш вечер.

Было, чурек моя, все это было —
Сердце от сладостной муки знобило,
От небывалого жгучего счастья
Сердце в груди разрывалось на части.

Скоро разлука недолгая минет,
Озеро к берегу радостно хлынет,
Озеро смоем с души твоей горе,
Верю, что все это сбудется вскоре.

В озере я ежедневно купаюсь,
В теплые воды его погружаюсь,
И неизменно, тебя вспоминая,
Думаю, как же чиста ты, родная.

Плаваю в озере, думаю — где ты?
Дни мои думаю этой согреты.

¹ Чурек — красавица.

Иду от рассвета тебя до заката,
Любящей той, что была ты когда-то.

Плаваю в озере, думаю — что ты?
Вдруг помешают приезду заботы?
Образ твой зыбок тогда, словно волны,
Влагой соленой глаза мои полны.

Плаваю в озере, думаю — все же
Бедное сердце не выдержать может,
И утону я в бездонной пучине.
Так приезжай, хоть по этой причине!

* * *

Плавая по озеру, я взглянул на дно, —
Вдруг тебя, желанная, спрятало оно?
И блеснул в глаза мне камень-самоцвет,
В глубину ныряю, а его там нет.
Снова ты уходишь у меня из рук,
Снова все одето дымкою вокруг.
Разочарованья скрыть я не могу...
Но не ты ль мелькнула там на берегу,
Быстроногой ланью показалась мне?
Вот уже я — беркут в знойной вышине,
Но никак добычи не поймать, не взять,
Стоит ли надеяться, мучиться опять?
Что же ты мерещишься, милая, везде;
То ты — лунный отблеск, ответ на воде,
То ты — сизокрылая чайка над водой...
Что же предпринять мне с этою бедой?

* * *

Ты — рыба Иссык-Куля с плавниками ловкими.
Порвались мои сети, крючки же стали ломкими.
Когда плывешь по озеру, то озеро волнуется,
Игрой твоей чудесною округа вся любитесь.
Кому же ты достанешься? Ловцы готовят снасти.
Ты — рыба Иссык-Куля, его любовь и счастье.

Ты — голубь Иссык-Куля с опереньем радужным.
Я твоему полету неизменно радуюсь.
Слежу я с восхищеньем движений безмятежность.
Кто создал эту прелесть, родил такую нежность?
Напрасно я рассыпал свою приманку — зерна...
Ты — голубь Иссык-Куля, ты — чистота озерная.

Ты — чайка Иссык-Куля с повадкою игривою,
С повадкою игривою, с ухваткой торопливою.
Взмываешь снова в небо и падо мной хохочешь ты,
Ведь и сама ты — хищница, ведь и сама — охотница,
Ты не награда сердцу, ты сердцу — наказание.
Ты — чайка Иссык-Куля, ты — смелость и дерзание.

Ты — лебедь Иссык-Куля с красой, подобной чуду.
Пока я жив, я славить готов тебя повсюду.
Ты вся — озерный праздник, ты вся — покой и нега,
Ты — образ вечной верности, ты — величавость снега.
Как исцелить мне сердце, чем залечить мне рану?
Ты — лебедь Иссык-Куля, но я тебя достану.

Ты — пери Иссык-Куля с глазами самоцветными,
Встаешь зарею розовой над волнами рассветными.

Встаешь зарею алою над волнами закатными,
Над играми их звонкими, шальными, перекатными.
Уж сед я. Скоро будет закончен путь скитальца.
Ты — пери Иссык-Куля, так пожалей страдальца.

* * *

Прощай, Иссык-Куль, дорогая святыня.
Прощай, моя гордость, вернее, гордыня.
Прощай, уезжаю, но нет такой силы,
Которая б нас развела до могилы.

Прощай, Иссык-Куль, я вернусь к тебе снова,
Просить у тебя и защиты и крова.
Крепки твоих волн серебристые сети.
Возможно, тебя лишь люблю я на свете.

Прощай, Иссык-Куль, лишь к тебе я стремился,
Всю жизнь по тебе тосковал и томился.
Тебя у себя неспособен отнять я,
И скоро я снова раскрою объятья.

Прощай, Иссык-Куль, я приеду весною,
Чтоб сердце омыть твоей синей волною.
Приеду я летом, зимою приеду,
Под белою вьюгой продолжим беседу.

Прощай, глубиною подобный Манасу.
Я буду с тобою до смертного часу,
Пока тебя смерть у меня не отнимет,
Пока мое сердце совсем не остынет.

ЗВЕЗДЫ ДУШИ МОЕЙ

ДРУГ ХАФИЗ

I

Друг Хафиз, ты любовью, как я, обездолен,
Нам с тобою надеяться не на что боле.
Вспоминая любимых, мы плачем и стонем,
Мы в обидах своих, словно в омуте, тонем.

Голова поседела, лицо пожелтело,
Не насытит любовью ни душу, ни тело.
Снова сердце молить тех жестоких готово.
Ах, давай же побродим по Ала-Тоо.

Будем пить мы с тобою киргизские вина,
Говоря, что в том боль, а не жажда повинна,
Будем в девушек наших киргизских влюбляться,
Хоть сегодняшних девушек стоит бояться.

Я при ярких закатах и ясных восходах
Им читать тебя буду в своих переводах.
Не страшись ты ревнивцев отчаянной мести.
Пусть! Сраженные ими, погибнем мы вместе!

2

Отчего передо мной даль сегодня хмурая?
Много гор перевалил, следуя за турами.
Да и с беркутами я полетал немало,
Видел, как встает заря нестерпимо ало.

Видел много я озер, много речек славных,
Их легко переплывал, с рыбами на равных.

И сверкали плавники, разрезая волны,
И цвели мои глаза, удивленья полны.

Но не смог я победить свой характер-камень,
Словно крепость, что творец создавал веками.
Снова я к ней подхожу. Отступаю снова...
Ты смеешься, друг Хафиз, или глядишь сурово?

ПУШКИН АГА¹

Пушкин ага — дорогой нам и близкий,
Друг пастуха, хонкороба простого.
Пушкин ага — он поэт наш киргизский,
Много бродивший по Ала-Тоо.

В доме любом — ему место почетное.
Праздник его — это толпы паломников,
Льется и льется число их песенное,
Чистого слова горячих поклонников.

Слушая строки стихов вдохновенные,
Каждый его понимает, как может,
Словно он мысли свои сокровенные
На миллионы сердец наших множит.

Пушкин ага — тот поэт из поэтов,
В творчестве чьем все слышней год от года
Самый великий завет из заветов —
Вера в таланты другого народа.

¹ Ага — обращение к старшему как к брату.

* * *

Побывав на тое у Бердаха¹,
Встретился со старыми друзьями,
Подружился с новыми друзьями,
Побывав на тое у Бердаха.

Побывав на тое у Бердаха,
Славе и любви каракалпаков,
Счастлив был я за каракалпаков,
Побывав на тое у Бердаха.

Побывав на тое у Бердаха,
Подивился звонкой силе слова,
Подивился крепкой власти слова,
Побывав на тое у Бердаха.

Побывав на тое у Бердаха,
Понял я, как гордо быть поэтом,
Понял я, как трудно быть поэтом,
Побывав на тое у Бердаха.

¹ Б е р д а х — выдающийся каракалпакский поэт XIX в.

ПОЧЕМУ КРОВАВЫ СНЫ МОИ...

Темиркулу Уметалиеву

Был я мал: не видел этот ад,
Ни боев, ни горький Ленинград,
Девятьсот блокадных долгих дней —
Тех, которых не было страшней.

Я в сырых окнах не лежал,
В логове врага не окружал,
Не глядел вблизи в лицо войны,
Почему мои кровавы сны?

Слышу я в них материнский плач,
Вижу, как свой суд вершит палач,
Сны меня по прошлому влекут,
Слезы по щекам моим текут.

Был я мал: войны не видел я,
Но она, как боль, вошла в меня.
Объясни, солдат, мне, не томи,
Почему кровавы сны мои?

* * *

Коня светлосерого хлещет камчой Алыкул¹.
Скакун драгоценный подковами ярко сверкнул,
Он скачки ведет, он вперед вырывается разом,
Сильнейшего нет впереди и нет равного рядом.

Коня светлосерого хлещет камчой Алыкул.
Скакун драгоценный легко через горы махнул,
Назад оглянулись — там десять коней поспешают,
Там всадники, злясь и ругаясь, друг другу мешают.

Коня светлосерого хлещет камчой Алыкул.
Скакун драгоценный с ветрами поспорить рискнул,
Скакун драгоценный не знает, что значит усталость, —
Лишь пятеро сзади, и сил у них мало осталось.

Коня светлосерого хлещет камчой Алыкул.
Скакун драгоценный звездою на небе мелькнул,
И нет никого позади, и зовет бесконечность,
Встает впереди, как награда маящая, вечность.

Коня светлосерого хлещет камчой Алыкул.
Скакун драгоценный летит, долетает к нам гул.
Я верю, что встретит в пути Алыкул поколения иные,
Но сути своей и по духу поэту родные.

¹ Алыкул Осмонов — выдающийся киргизский поэт, умерший в 1950 году в возрасте 35 лет.

СМЕРЬ ПОЭТА

Алыкулу Осмонову

Умер поэт, мир явлением своим осветив.
Умер поэт, своей волей друзей удивив.
Дрогнули руки, закрылись усталые веки,
Чтобы уже не раскрыться глазам его черным навеки.

И зарыдал самый верный, любимейший друг,
И зарыдали все те, кто стояли вокруг:
«Ах, неужели, ушел ты от нас без возврата?
Слишком горька, слишком тягостна эта утрата!»

Мертвый поэт пробудился от краткого сна:
«Чья это жалоба слышится, боли полна?
И почему я причиной ее оказался?
Хоть я и умер, огонь, мной зажженный, остался.

Чем, уходя, я сумею утешить друзей?
Дай призову я на помощь одну из затей,
Дай-ка придумаю я позабавнее шутку,
Чтобы отвлечь их от смерти хотя б на минутку».

Поднял он веки, глаза приоткрыл он на миг:
«Друг, объясни мне, зачем эти слезы и крик?
В веке двадцатом, в народном своем государстве,
Разве народ мой терзает бесправье и рабство?»

Друг объяснить постарался, что плачет народ,
Види поэта любимого ранний уход,
И что народ огорчило известие о смерти.
«Я не умру, — так ответил поэт, — вы поверьте».

Так он сказал, умирая, и словно успел.
Замер вокруг него стонув рыдающий гул.
Люди, что плакали прежде, теперь удивленно молчали.
Люди того, что случилось, не понимали.

РАЗГОВОР С АЛЫКУЛОМ

Вот опять я смотрю на такой дорогой мне портрет.
Почему так печален поэт и в глазах его радости нет?
Почему, Алыкул, так устало нахмурил ты бровь?
Может, горько тебе, что бедой обернулась любовь?
Может, ранено сердце коварством неверной жены,
До конца не узнавшей твоей настоящей цены?

Не горюй, Алыкул, у красавиц законы свои.
Ты на помощь рассудок и память, прошу, призови,
Потому что на вечной земле, под мерцанием вечных небес,

Вечно делится в Пушкина вечный убийца, Дантес.
Гениальному Пушкину ранняя смерть суждена,
Но в веках не Дантесу, а Пушкину слава дана.

Ты — наш Пушкин киргизский, поэтому брови не хмурь.
Ослепительней солнце сияет всегда после бурь.
Покорился тебе, Алыкул, недоступный другим перевал.
Расскажи для истории, как ты стихи создавал?

БЕЛЫЙ КОНЬ БЬЕТ ЗЕМЛЮ КОПЫТОМ

Памяти академика Мусы Адышева

Ты искал Ала-Тоо тайны,
И находки твои не случайны, —
Ты так много в жизни добился,
Ибо лишь для народа трудился.

Стали песней в руках твоих камни,
Ты дружил на равных с веками,
Ближе всех ты из нас был к небу.
Смерть твоя, то была или небыль?

Конь твой белый тобой заслужен,
Ты любимой отчизне нужен,
Жить да жить бы тебе на свете.
Илачем мы, как малые дети.

Белый конь бьет землю копытом.
Мусаке², я горем испытан,
Но сразила меня утрата
Так, как будто лишился брата.

Потеряв желанного друга,
Илачет горько твоя супруга,
И для этого сокрушенья
Не найди мне слов утешенья.

¹ М у с а А д ы ш е в — выдающийся киргизский ученый-геолог.

² М у с а к е — почтительная форма имени Муса.

ПАМЯТИ БЮБЮСАРЫ¹

Ты проходила — все лица вокруг освещала,
Ты танцевала — сердца наши поработала,
Невозможна для сцены такая утрата,
Лебедем Белым вернись, прилети к нам обратно!

Черная весть поразила меня, словно пуля,
Вспомнились белые лебеди на Иссык-Куле,
Кто теперь с ними сравнится красою и статью?
Бюбюсары, как такое могло с тобой случиться?

Как опишу я народа всего сокрушение?
Нет тебя больше, народной души воплощение,
Бюбюсары, твое солнце внезапно затмилось,
Бюбюсары, не пойму я природы немилость.

Ты проходила — все лица вокруг освещала,
Ты танцевала — сердца наши поработала,
Невозможна для сцены такая утрата,
Лебедем Белым вернись, прилети к нам обратно!

¹ Б ю б ю с а р ы — Бейшеналиева — народная артистка СССР, киргизская балерина.

ЧИНГИЗУ АЙТМАТОВУ

1

Жизнь коротка, словно веточка белого тополя,
Дни же торопятся мимо и в гуле и в топоте.
Жизнь коротка, и прекрасна она и опасна.
Жизнь коротка, и второй у нас нету в запасе.

Жизнь коротка, как цветенье тюльпана степного.
Жизнь коротка, и всегда оборваться готова.
Жизнь коротка, и прожить ее нужно, не скомкав,
Чтобы остаться в сердцах благодарных потомков.

Жизнь коротка, хоть она утомляет порою,
Схожа она с нашей бурною Ак-Буурую,
Неукротимо реки этой быстрой киненье,
Только достойный ее одолеет течение.

Вот уж полвека, Чингиз, как живешь ты на свете.
Я к юбилею пишу тебе строки вот эти.
Бег ты по жизни стремишь, как скакун Танабая¹,
Верю — тебе высота покорится любая.

Пусть же растет твой чудесный талант год от года,
Пусть он вбирает в себя все таланты народа,
Пусть он сверкает, как рек наших светлая лава,
Ты наша гордость, Чингиз, наша яркая слава!

¹ Т а н а б а й — герой повести Ч. Айтматова «Прощай, Гюльсары».

Вот твой талант — что на свете прекрасней таланта?
 Кажешься ты нам сегодня сильнее Атланта.
 Люди великой державы сегодня тебя поздравляют,
 Кубок задравный они за тебя поднимают.

Вот твоя слава — она сейчас в полном расцвете,
 Стал ты известен всей нашей огромной планете.
 Высшим почетом сегодня тебя окружаем,
 На скакуна белоснежного с честью сажаем.

Вот твоя родина — много друзей у тебя в ней,
 Вспомнят сегодня они тебя с нежностью давней.
 Едут на твой юбилей, что справляем мы нынче богато,
 Панкин, Кулиев, Карим и Гончар, и Гамзатов.

Вот твой народ — ты хорошего, крепкого рода,
 Мчись на коне белоснежном быстрее год от года.
 Счастья желает Олжас тебе, Симонов и Нурисов,
 Я же, Камбар, продолжаю сей дружеский список.

3

Да, ты достоин этого приза.
 Но, при всем огромном почете,
 Кто мог подумать, что сына киргиза
 Почтит академия Гете?

Вся наша родина нынче рада,
 Рад и аил и город.
 Твоя награда — ее награда,
 Гордость твоя — ее гордость.

Не было б на планете всей
 Славнее страны и краше,
 Когда бы только таких сыновей
 Рожали матери наши.

1978

ВРЕМЕНА ГОДА

Осень пришла. Раскрываются раны мои.
Деться куда мне от желто-багряных тонов?
Где же весна и где лето? Ответ, не томи.
Жду я зимы, хоть к приходу ее не готов.

Осень богаче весны, только что мне, скажи, до того,
Если надежды мои пробуждаются только весной,
Если с приходом осенним кончается их волшебство,
Если вчерашняя радость мне кажется пынче смешной.

Может быть, может быть, лета прекрасней зима,
Только сна у меня и последние силы отнимет.
Белых снежинок взлетит падо мной кутерьма,
Вздрыгнет душа и прозрачною льдинкой застынет.

ОСЕННИЕ ЭЛЕГИИ

1

По осеннему золоту серебро рассыпает луна.
Я брожу одиноко, душа моя грусти полна.
Я кажусь нелюбимым себе, я кажусь позабытым и
лишним,
Виноваты в том листья, осенние желтые листья.

Каждый лист обреченный, дрожащий в тоске отлученья,
Молит ветку свою, молит осень о чуде спасенья.
Я иду обреченный по желтой, шуршащей листве,
Я иду обреченный по жухлой осенней траве.

Сколько дней проживу? Я не знаю и знать не хочу.
Может, завтра уже, как осенний листок, облечу.
Может, завтра уже закружусь на осеннем пиру.
Может, завтра уже позабудут меня на миру.

2

Хорошее время осень. Пора отдохнуть земле,
Поэтому нам не стоит о летнем тужить тепле.
От тучного урожая ломаются закрома,
Гостеприимно раскрыты навстречу гостям дома.

Хорошее время осень. Стада спускаются с гор.
Ведут меж собою люди дружеский разговор.
Расстелены дасторхоны. Варится бешбармак.
Спят радостно лица. Вечно было бы так.

Хорошее время осень? Нет, не согласен я!
Оно мне напоминает о бренности бытия,

О старости, об увядании. Томится моя душа,
Летит над душою ветер, надежды ее круша.

3

Осенняя пора. Утратишь — не найдешь.
Не думая о том, резвится молодежь.
Осенняя пора. Осеннее тепло.
Но почему же так на сердце тяжело?

Осенняя пора. Никак я не пойму, —
Мне холодно в тепле, мне зябко почему?
Знать, потому, что пал на Ала-Тоо снег,
И что зима близка, и что короче век.

* * *

Поздней осенью листья желтеют.
Поздней осенью мысли мрачнеют.
Поздней осенью, перед закатом,
Путь к былому веселью заказан.

А ведь было, ведь было веселье,
Дни кружились лихой каруселью,
Жизнь была молода и беспечна.
Оказалось, что юность — конечна.

Листья падают, кружатся, блещут,
Как у бабочек крылья — трепещут.
Проку нет от твоих сожалений.
Проку нет от тоски и сомнений.

Надо жить, как река в половодье,
Широко заливая угодье.
Надо жить, пока жив ты на свете,
Зная все о весне и о лете.

ЭТЮД

Славную осень принес этот год, —
Тучный в лощинах лоснится скот.
Конюшни мчатся по склонам открытым,
Ловкость свою проверяют джигиты.

Нынче, трудами довольны вполне,
Дань отдаем мы седой старине,
Нынче лихое идет козлодранье,
В силе и смелости соревноваье.

Нынче особо денешки белы,
Можется нынче повсюду столы,
Но не волнуют людей угощенья, —
Прочно забыты нужда и лишения.

1968 г.

ДУМЫ О ДОЖДЕ

Зной лютует. Высохла степь.
Сколько можно жажду терпеть?
Все завяло и все поблекло,
Просит хлопок дождя и свекла.

Сколько можно жить без дождя,
За любую тучкой следя?
Нет дождя. Экономят воду.
Проклинает народ погоду.

Ах, пошел бы дождь, ах, пошел,
Засверкала бы степь, как шелк,
Появились бы после, ясно,
На столе и каймак и мясо.

Ах, пошел бы дождь поскорей,
Стали б люди вокруг добрей,
В закрома б полилась пшеница,
Засияли б радостью лица.

Так пролейся, пролейся, ливень,
Помоги плодородной ниве,
Осени стихи мои радугой,
Я с народом вместе порабуюсь!

1975 г.

* * *

Первое марта сегодня уже на дворе.
Но почему же округа в морозном блестит серебре?
Но почему же зима все шипит еще, словно змея,
Разум людской непонятностью этой томя?

На Ала-Тоо великие пали снега,
Там, над горами, свирепая кружит пурга,
И не проглянет сквозь тучи хотя бы клочок голубой.
Вместе сойдись, старики наши шепчутся между собой.

Черные жилы набухли у них на руках.
Предположения строят, сравнения ищут в веках, —
Без объяснения явление подобное трудно принять.
Шепота их, как ни злось, не могу я понять.

Первое марта сегодня уже на дворе.
Но почему же округа в морозном блестит серебре?
Но почему же зима все шипит еще, словно змея,
Разум людской непонятностью этой томя?

1969 г.

ЗДРАВСТВУЙ, МЕСЯЦ МОЙ ВЕСЕННИЙ

(Весне 1968 года)

Здравствуй, месяц мой весенний,
Обними меня, как сына.
Но зеленому веселью
Столковался сын твой сильно.

Но веселью сердце тужит.
Ты не верь моей улыбке.
Сердце вызнобили стужей
Прошлогодние ошибки.

Ты порадуй новизною,
Разгони вокруг туманы.
Что там, что там за сныною? —
Только горе да обманы.

Я уже тоской измерил
Веру, что в душе хранима.
Я уже почти поверил,
Что любовь невозвратима.

Я решил — такие раны
Исцелить бессильно время.
Я решил — на сердце шрамы
Мне нести теперь, как бремя.

Я лежал на зимнем ложе
Под холодным покрывалом,
Только молодость мне все же
Сниться не переставала.

Только тайно ждал весны я,
Только тайно ждал я чуда,
Снились мне поля иные,
Где цветы цвели повсюду.

До рассвета я смеялся,
Жил я жизнью настоящей,
И с любимой целовался,
Чьи объятия меда слаще.

Здравствуй, месяц мой весенний,
Обними меня, как сына.
По зеленому веселью
Соскочался сын твой сильно.

ВРЕМЕНА ПОЗНАНИЯ

МОЯ ГОРДОСТЬ

В жизни, зову земному послушен,
Не был я к красоте равнодушен.
Недостатком таким рапная,
Часто плачет моя любимая.
Но горжусь: был я в дружбе верен,
Был к друзьям всегда неизменен.

Затевая с врагом сраженья,
Я не раз терпел поражение.
Но горжусь: средь тиши и гула
Я остался сыном Бобула
И добула — грозы гремющей,—
Устояв в борьбе настоящей.

* * *

Под крылом стремительной эпохи
Я не тратил молодость на вздохы.
Был я смел, стремителен и юн.
Был я резв, как удалой скакун.

Всю хотел я оббежать планету.
Глядь-поглядь, а молодости нету,
Сорок лет — как крепкая узда,
И назад не крутятся года.

Словно нож, сознание это режет,
Но мечты являются не реже,
Но все так же я лечу во сне
По рискованной, солнечной весне.

ПРИЗНАНИЕ

Не таясь хочу вам сказать, друзья:
Потому такой невезучий я,
Что из многих черт, их не меньше сотни,
Из противоречий характер соткан.

Есть в нем светлое, есть в нем темное,
Есть в нем буйное, неумное.
Я горяч, порывист по самой сути,
Что ж, ругайте, судите за это, судьи!

Я прошу прощенья у самой милой,
Что бессилен я перед некой силой, —
Ты прости, любимая, что красавицы
Сердца трепетного касаются.

Но взгляните пристальнее на прошлое, —
Есть в моем характере и хорошее:
Я с народом радуюсь и тоскую,
Ради друга жизнью порой рискую.

Я владею редким качеством, други, —
За врагом способен признать заслуги,
И смирять не желая порыв горячий,
Самым первым поздравить его с удачей.

* * *

В детские годы я с кетменем
В поле работал до пота.
Сердце доселе сжигает огнем
Дней тех военных забота.

Сделалось детское сердце добрей,
Сделалось сердце жесточе,
Ибо в нем слезы седых матерей,
Вдовы бессонные ночи.

ДУМЫ О СЧАСТЬЕ

Что счастье? Утренняя ли звезда,
На миг лишь заглянувшая сюда,
Или луны холодный, светлый луч,
На миг лишь нам блеснувший из-за туч?

Что счастье? Славы легкой волшебство,
Иль безграничной власти торжество,
Иль целый ряд стремительных удач,
Легко тобой решаемых задач?

А может быть, оно — высокий пост?
Мой друг, не будь наивен ты и прост.
Поверь, что счастье — трудный, долгий путь
И вера, что огнем сжигает грудь.

Поверь, что счастье — к Родине любовь,
Любовь, ради которой льется кровь,
Жизнь, что отдать ты рад за край родной,
И сути нет у счастья иной.

* * *

Замечтаюсь — и мне девяносто девять,
Впору все желанья свои развеять,
Да и помню я, разве, теперь желанья?
Время мудрости — грустное время познанья.

Замечтаюсь — и вновь я студент тот юный,
В чьей душе лишь ты задевала струны.
Снова весь — порыв я и весь — надежда,
И тесна мне снова моя одежда.

Замечтаюсь — и снова мной правит зрелость,
Золотая моя, наливная спелость,
За сиюношью годы горят, как свечи,
Светел дух мой гордый, разумны речи.

Замечтаюсь — и рядом со мною Пушкин,
Расцветает радость зеленой пущей,
А подумаю — я обыватель просто,
Перед силой слова — юнец, подросток.

Замечтаюсь — и словно взмываю в небо,
А подумаю — все это так нелепо.
Замахнулся на много, а сделал мало,
Видно, время признаться в этом настало.

ДРУГУ

Наша разлука все длится,
Тягостней день ото дня.
Ты, приезжая в столицу,
Не навещаешь меня.

Как же мы быстро забыли
Клятвы, отдавшись делам.
Мы ведь когда-то делили
Хлеба кусок пополам.

Мы ведь когда-то читали
Книжки вдвоем допоздна.
Мы ведь когда-то считали —
Цель у нас в жизни одна.

Наши бессонные споры
Сердце томили и жгли.
Нас не моря и не горы —
Горды с тобой развели.

Где ты? Вестей не имею.
Где ты? О друге грущу.
Дружбу воспевай, как умею,
Ей этот стих посвящу.

Наша разлука все длится,
Тягостней день ото дня.
Ты, приезжая в столицу,
Не навещаешь меня.

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Ах, друзья, друзья мои, львы,
Что же так изменились вы?
Вот я к вам обращаюсь снова,
Вы послушайте мое слово.

Мы детьми прекрасными были,
Мы всем сердцем правду любили,
Где они, те давние годы?
Урожайны ли чести всходы?

Что случилось с вами, ребята?
Вы отводите взгляд куда-то,
Вы встречаетесь лишь случайно,
Вы друг другу вредите тайно.

Наша юность уже далече...
Так неужто зря были речи,
И зря восходила зря?
Отвечайте, мои друзья!

НАСТАВЛЕНИЕ ДЖИГИТУ

У случайностей злых во власти,
Ты пройдешь, джигит, через муку,
И опустится птица счастья
На твою некрепкую руку.

Вот тогда, опьянен удачей,
Берегись проглядеть за нею,
Что твой друг тобой озадачен,
Что любимая — холоднее.

Увлеченный собственной славой,
Растерять своих близких бойся,
Опоенный сладкой отравой,
О похмелии беспокойся.

Ведь, когда похмелье наступит,
Не спасет никакое чванство,
Ибо сердцу сразу наскучит
Завоеванное пространство.

Так, шагая по свету с веком,
Им испытанный на везенье,
Будь, джигит, всегда Человеком, —
В этом все мое наставленье.

НАСТРОЕНИЯ

Ночь безлунна. На душе моей черно.
Я про радость позабыл уже давно.
Оседлал бы да взнуздай я ветер,
Чтобы радость отыскать на свете.

Вышел месяц. На душе моей светло.
В небе звезд неисчислимо число.
Погулял бы я среди этих звезд зовущих,
Потренил бы я их ласково за уши.

ДУМА

Неужели любовь не вернется боле?
Неужели не будет ни счастья, ни боли?
Неужели никто не затронет мне душу?
Неужели по жизни пройду равнодушным?

Неужели же сердце мое охладело,
Неужели бессилие им овладело,
Острота моих чувств, словно пожар, притупилась?
Неужели мечта от меня отступилась?

Отлетела навеки моя окрыленность,
Отсияла навеки моя озаренность,
Отзвенела навеки былая певучесть?
Если все это так, то жалка моя участь.

Нет, неправда! Приходит рассвет после ночи.
Пусть становится жизнь с каждым годом короче,
Но доколе живу я, доколе я верю,
Что любовью грядущую долю измерю.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДОЛГИЕ НОЧИ

1

В ночной тиши я от себя не скрою,—
Мне хочется быть беркутом порою
И так взлететь высоко, чтоб враги
От зависти не взвидели ни зги.

Порою я хочу быть рыбой ловкой,
Владеющей подводною споровкой,
Чтоб сети разорвать своим врагам,
Сидящим по окрестным берегам.

Порою о другом душе хлопчется,—
Влюбиться в нецелованную хочется,
Но вспомню тут же я о седине,
И станет бесконечно стыдно мне.

Хочу порой ребенком быть я снова,
Но явь ко мне безжалостно сурова,—
Зачем со дна былое поднимать,—
Ты не вернешь назад отца и мать.

Хочу твоим рабом быть иногда я,
К твоим коленим принадлеать рыдая,
Хочу молить о снисхожденьи я,
Но ты не верь,— я разлюбил тебя.

2

Если ночи наши длинны,
Мы на думы обречены,
Нас к земле эта ноша клонит,
Нам виски от тяжести ломит.

И приходят в голову мысли,—
Тем ли в жизнь мы, кем надо, вышли?
Может, был бы я садоводом,
Было б легче перед народом.

Засадил бы землю садами,
Угощал бы людей плодами...
Но, берясь за труд неумело,
Вдруг испортил бы я все дело...

Может, быть бы поваром лучше.
Все ведь в жизни решает случай...
Ну, а вдруг бы не смог, не справился,
Опозорился бы, ославился...

Может, стать поливщиком в поле,
Поработать на вольной воле,
Заслужить бы на орден право.
Ну, а смог бы? Не знаю, право...

До утра я лежу без сна.
Как почетен труд чабана...
Да, почетен, но как он труден
Непомерной сложностью буден.

Эй, Камбар, не гневи судьбину!
Жизнь давно уж — за половину.
Долг святой твой — твой писанье.
В нем едином твое призванье.

* * *

Мне чувство сострадания слепое
Мучительной виною в грудь стучится.
Отца зовет ребенок — словно поезд
По сердцу впечатлительному мчится.

Навеки в сердце поселилась жалость,
Она меня, безмерная, терзает.
Услышу плач вдовы — и, как книжкой,
Ее тоска мне сердце вдруг пронзает.

На костылях калеку я увижу, —
Над головою солнце вмиг померкнет,
И снова я войну возненавижу,
Людскому счастью бывшую помехой.

Я каждый день удара ожидаю,
Мне каждый день грозой грядущей душен.
Умрет невеста — как жених, рыдаю,
Как будто это мой очаг разрушен.

По каждый день ко мне приходит радость, —
Помирятся влюбленные, что в ссоре
Прекрасную свою губили младость,
И тают льды в моем открытом взоре.

Но каждый день удачею бесспорной
Я проигрыши жизни поправляю, —
Родит ли та, что признана бесподной,
Счастливицу я первый поздравляю.

Степаша людские и невзгоды
Приют находят в сердце безотказно,
Но каждый день сменяются погоды, —
С утра жара, а к вечеру прохладно.

Но жизнь всегда творится только в споре,
Она всегда — боренье и кипенье.
Сменяется весельем злое горе,
И только в этом кроется спасенье.

НАДЕЖДЫ

Вы, несбывшиеся надежды,
Обветшали, словно одежды,
В голубом растаяли дыме,
А такими были родными.

Ах, надежды, пушинки светлые,
Отзовитесь мне, безответные,
Ведь без вас я жизни не мыслю
И в счастливых себя не числю.

Ах, надежды, мираж в пустыне,
Вы кого пленяете ныне?
Легкомысленные красавицы,
Вы кому хотите поправиться?

Вы меня легко обманули,
От меня свой лик отвернули,
Но еду я за вами следом
По пути, что другим неведом.

* * *

Разочаровался в дружбе и любви, —
Смолкнули в зеленой роще соловьи,
Но стихи, что в муке родились ночью,
Мне теперь — как крылья, над родной страной.

Разочаровался в сытости, деньгах, —
Проживу я век свой в бедности, долгах,
Были бы со мною лишь мои стихи,
Мне за них простятся многие грехи.

Разочаровался в буйстве и гульбе, —
От хмельных застолий мне не по себе,
Позабыл я удаль прежнюю свою,
Лишь стихов у жизни я теперь моллю.

* * *

Мне сегодня ровно тридцать три.
Этот возраст — жизни середина.
За спиною — сполохи зари.
Впереди — неясная судьбина.

Принимаю зрелости дары,
Новые понятия постигаю.
Будущее — бурный мой Нарын, —
Только так его я познаю.

* * *

В юности не делал я долгов,
Но немало приобрел врагов,
Ни на миг покоя не дающих,
То из-за угла, то в спину бьющих.

В юности я не скопил рублей,
Но зато завел себе друзей,
Что со мной удачу разделили,
Что в беде моей опорой были.

За меня друзья всегда в ответе.
Как бы победил я вражьи козны.
Одолею обман и беззаконье,
Если был бы одинок на свете?

* * *

В этой жизни все конечно,
Все имеет свой пеход,
Быстролетно, быстротечно,
Но всему ведется счет.

Будь, душа, потерям рада,
Над обидами не плачь,
Ведь удача, как награда,
Ждет нас после неудач.

* * *

Жизнь прекрасна: в ней жар и холод,
В этой жизни ты стар и молод,
В этой жизни ты слезы льешь,
Улыбашься и псеешь.

Жизнь прекрасна: в ней вперемешку
Сладость с горечью, как в пасмешку,
В ней и солнышко, в ней и град,
Но мудрец переменам рад.

Жизнь прекрасна: бери и помни
Ты и полдень ее, и полночь,
Сам ее создай, твори,
Сам над жизнью своей царь.

СПАСИБО

Когда ко мне безжалостна судьба,
Я слышу зов — зовет меня борьба.

Раз не в цветах, а в терниях мой путь,
Я снова подставляю ветру грудь.

Я говорю, когда вокруг ни эги:
Спасибо вам, надежные враги!

Завистники, я вас благодарю,
За то, что снова правый бой творю.

За то, что чую крылья за спиной,
Что молодость моя опять со мной!

* * *

Я, следуя сердечному указу,
Ему послушен, загораюсь сразу.
Такое поведение опасно.
Но все же, разве это не прекрасно?

За то себя я горько укоряю,
Что быстро вспыхнув, быстро и сгораю,
Что жизнь моя — сплошной летящий пепел,
Что темен я душою, а не светел.

* * *

Посмотри мне в глаза, приятель,
Ради нашей дружбы приятной,
Дружбы той, что мы схоронили,
Но еще не совсем забыли.

Но прошу я, не делай вида,
Что напрасна моя обида,
Обниматься со мной готовясь.
Эй, приятель, где твоя совесть?

Я ОШИБСЯ

Я ошибся, ошибся сильно,
Поспевает горе обильно.
За ошибку плачу слезами,—
Подлецов я сделал друзьями.

Я ошибся, сильно ошибся,
Об ошибку больно ушибся.
В результате ошибки грубой,
Отдал сердце женщине глупой.

ДУМАЛ — ДРУГ...

Ровным путь казался и вдруг — овраг.
Думал — друг, а ты, оказалось, — враг,
Негодяй, способный предать меня.

Думал — ты опора, большой храбрец.
Оказалось — трус и большой хитрец,
Прямо в сердце жалящая змея.

ОБРАЩЕНИЕ К БЫВШИМ ДРУЗЬЯМ

Хоть сводить я счет не хотел,
Хоть обиду долго я терпел,
Но пришел мой час, настал мой срок,
Подвести под прожитым итог.

Больше мне уже молчать нельзя,
Потому-то, бывшие друзья,
С вами я решил поговорить,
Все, что наболело, повторить.

Каюсь, что, не будучи святым,
Просто был когда-то молодым,
Дерзок был, порывист и горяч,
В чем причина многих неудач.

Неожиданно пришла беда,
О какой не думал никогда,
Раскололся созданный мной мир,
Оказался ложным мой кумир.

Покачнулась под ногами твердь.
Одному в подобном деле — смерть.
Думал я с бедой наедине,
Что друзья придут на помощь мне.

Изнывая от душевных мук,
Жаждал я поддержки крепких рук,
Жаждал добрый выслушать совет,
Думал я, что вас вернее нет.

Мало, что на помощь не пришли,
Вы меня и обогать смогли,
Распустили сплетни за спиной,
Рассчитались, как могли, со мной.

Никогда понять я не смогу
Отношения к другу, как врагу.
Я же с вами хлеб и соль делил,
Отчего ж внезапно стал не мил?

Ведь казалось, до конца пути
Нам бок о бок выпало идти.
Ведь казалось, цель у нас одна.
Объясните, в чем моя вина?

Разве вас в беде я забывал?
Разве вас я в горе предавал?
Чем же так, друзья, вас донекло,
Что пошли вы на такое зло?

От меня не прячьте ваших глаз,
Выслушайте все на этот раз.
Может быть, я скрытен был или скуп?
Может быть, бывал я с вами груб?

Может, соблазнил я ваших жен,
Завистью глубоко уязвлен?
Может быть, использовал я ложь
Так же ловко, как иные — нож?

Может быть... А впрочем, что гадать?
Вас мне все равно не оправдать.
Слеп я был, за что себя казню.
Глуп я был, за что себя виню.

Выстоял я, выдержал я бой,
Справился с нелегкою судьбой.
Правда победила в том бою,—
Я живу, работаю, творю.

Я горю горением страны,
Мне дороги новые видны,
Я веду с народом разговор.
Ну, а вы? Вы живы до сих пор?

ОТЦОВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Авазбек, ты ласки моей лишен,
Ты со мной, с отцом своим разлучен.
Нам с тобой, сынок, о беде такой
Предстоит еще разговор мужской.

На пути нелегком и непростом
Я мечтаю о разговоре том,
Но боюсь, что мне поменшает смерть
На свиданье наше с тобой успеть.

Потому завещаю тебе нишу,
Потому, сынок, я тебя прошу, —
Ты больше в жизни дела твори,
В нашем вольном небе орлом пари.

Слишком короток на земле наш срок,
Избегать старайся кривых дорог,
И еще прошу: справедливым будь,
Не страшись за друга подставить грудь.

А теперь мой главный наказ прочти:
Всей душой, всем сердцем Отчизну чтить,
Оскорбленье ее — прокляну судьбу
И на клочья саван порву в гробу.

1968 г.

ВОСПОМИНАНЬЯ

Воспоминанья — шипящие змеи,
Нет ядовитей, коварней и злее,
Мне их больные укусы не внове.
Чем пред судьбой я так страшно виновен?

Я заклинять этих змей не умею,
Сам, околдованный ими, немею.
Завороженно слежу я за ними,
За палачами моими почными.

В памяти дремлют, свой час карауля,
И не берет их не нож и не пуля,
Не убежать от них, не откупиться,
Среди пирушки хмельной не забыться.

Нет им исхода и нет им предела,
Вот уж от них голова поседела,
Груз этот плечи усталые горбит,
Сделалась морем река моей скорби.

Воспоминанья — шипящие змеи,
Нет ядовитей, коварней и злее,
Мне их больные укусы не внове.
Чем пред судьбой я так страшно виновен?

ОТЦОВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Авазбек, ты ласки моей лишен,
Ты со мной, с отцом своим разлучен.
Нам с тобой, сынок, о беде такой
Предстоит еще разговор мужской.

На пути нелегком и непростом
Я мечтаю о разговоре том,
Но боюсь, что мне помешает смерть
На свиданье наше с тобой успеть.

Потому завещанье тебе пишу,
Потому, сынок, я тебя прошу, —
Ты большие в жизни дела твори,
В нашем вольном небе орлом пари.

Слишком короток на земле наш срок,
Избегать старайся кривых дорог,
И еще прошу: справедливым будь,
Не страшись за друга подставить грудь.

А теперь мой главный наказ прочти:
Всей душой, всем сердцем Отчизну чтить,
Оскорбив ее — прокляну судьбу
И на клочья саван порву в гробу.

1968 г.

ВОСПОМИНАНЬЯ

Воспоминанья — шипящие змеи,
Нет ядовитей, коварней и злее,
Мне их большие укусы не внове.
Чем пред судьбой я так страшно виновен?

Я заклинять этих змей не умею,
Сам, околдованный ими, немею.
Завороженно слежу я за ними,
За палачами моими почными.

В памяти дремлют, свой час карауля,
И не берет их не нож и не пуля,
Не убежать от них, не откупиться,
Среди пирушки хмельной не забыться.

Нет им исхода и нет им предела,
Вот уж от них голова поседела,
Груз этот плечи усталые горбит,
Сделалась морем река моей скорби.

Воспоминанья — шипящие змеи,
Нет ядовитей, коварней и злее,
Мне их большие укусы не внове.
Чем пред судьбой я так страшно виновен?

ОБРАЩЕНИЕ К ЖУРАВЛЯМ

Где же, где вы, мои журавли,
Облетевшие землю родную?
Вот уж год вас, не видя вдали,
И чуждальным просторам ревную.

Где же, где вы, мои журавли,
На каких вы лугах побывали?
Вот уже и цветы отцвели
Там, где в прошлом году пиروвали.

Где вы, где вы, мои журавли,
Как летается вам, дорогие?
Чтоб меня миновать не могли,
Гималаями встал на пути я.

Где же, где вы, мои журавли?
Торопитесь, — проходят все сроки,
Легкокрылые мысли мои,
Долгожданные, светлые строки.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ГОРЕНЬЯ!

Когда горю я пламенем высоким,
Тогда я не бываю одиноким,
Тогда я быстр, как горная река,
Тогда я чист, как воды родника.

Пускай тогда любимая покинет,
В печали этой сердце не остынет,
А разгорится жарче и сильнее,
И я в горенье поднимусь над ней.

Пускай тогда друзья мои изменят,
Былую дружбу навсегда отменят,
— Счастливого пути, — скажу я им,
Развевя память, словно легкий дым.

И, сладкого волнения не скрывая,
Я буду ждать, цветы надежд срывая.
Я проживу без дружбы и любви,
Лишь бы горенье ощущать в крови.

Не чувствуя его большого тока,
Я вмиг лишаюсь жизненного сока,
Теряюсь я средь мыслей и затей,
И одинок тогда среди людей.

Когда горю, тогда я — сильный беркут,
Моих когтей лисцы не избежат.
Тогда под облаками я кружу,
Любое одиночество крушу.

Когда горю я, я творить способен,
Чем небесам, наверное, угоден,
А потому, да здравствуют горенья,
Источники труда и вдохновенья!

ЖИТЬ ИНТЕРЕСНО

Будь проклята навеки злая смерть.
Хочу я в жизни многое успеть,
О смерти я и слышать не хочу,
Я ей в глаза порою хохочу.

Мне с самого рождения известно,
Что жить на свете страшно интересно,
Целуя женщин, пробуя вино,
Старая, интересно, все равно.

Жить интересно и среди врагов,
Наделав и ошибок, и долгов.
Ведь очень важно заглянуть в итог,
Сорвать последний вянущий цветок.

Жить интересно и томясь в тюрьме,
Борясь за свет, коль все вокруг во тьме,
Ловя любой, хотя бы слабый лучик,—
Примером служат мне Джаалиль и Фучик.

А смерть придет, ее приму достойно,
Уйду из жизни просто и спокойно,
После себя оставив строки эти.
Но страшно интересно жить на свете!

Когда горю я, я творить способен,
Чем небесам, наверное, угоден,
А потому, да здравствуют горенья,
Источники труда и вдохновенья!

ЖИТЬ ИНТЕРЕСНО

Будь проклята навеки злая смерть.
Хочу я в жизни многое успеть,
О смерти я и слышать не хочу,
Я ей в глаза порою хохочу.

Мне с самого рождения известно,
Что жить на свете странно интересно,
Целуя женщин, пробуя вино,
Старая, интересно, все равно.

Жить интересно и среди врагов,
Наделав и ошибок, и долгов.
Ведь очень важно заглянуть в итог,
Сорвать последний вянущий цветок.

Жить интересно и томясь в тюрьме,
Борясь за свет, коль все вокруг во тьме,
Ловя любой, хотя бы слабый лучик, —
Примером служат мне Джаилиль и Фучик.

А смерть придет, ее приму достойно,
Уйду из жизни просто и спокойно,
После себя оставив строки эти.
Но страшно интересно жить на свете!

ПЕСНЬ О СТАРОСТИ

Беркут, в сети старости понавший,
На скале сложил устало крылья.
Беркут, много в жизни повидавший,
Плачет от печали и бессилья.

Он воспоминаньем томится,
Как, кружась над терриками стенами,
Брал он чернобурю лисицу
Молодыми, острыми когтями.

В страхе он держал тогда округу
И с небес своей державой правил,
Грудью был рассечь способен выюгу,
Так как быстротой себя прославил.

Силы те, куда же вы девались
И к какому привели итогу? —
Перед ним лисица, издеваясь,
Переходит медленно дорогу.

* * *

Был я счастлив когда-то,
тебя отогнав, одиночество.
Но боюсь, что исполнится
давнее чье-то пророчество:
Буду звать я тебя,
буду ждать, как награды, прихода,
Ибо только с тобой
человеку дается свобода.
Жизнь порою на нас
расставляет умело капканы,
Жизнь сплетает на шею нам
волосяные арканы.
Мы торопимся жить,
суету называя общением,
Но не видим людей
за бессмысленным этим кружением.
Ты прости, что в стихах
на тебя обижался когда-то,
В том грехе нетерпенье бывшее
мое виновато.
Я хочу, одиночество,
чтобы ты знало дорогу —
Ту, что прямо ведет
к моему земляному порогу.

* * *

Если стих произит тебя, как молния,
Вздрогнет тело, пламенем объятое,
На кресте поэзии распятое,
Если стих произит тебя, как молния.

Если стих произит тебя, как молния,
Ты вернешься, словно бы из космоса,
Обретя давно тобой искомое,
Если стих произит тебя, как молния.

Если стих произит тебя, как молния,
Силой станешь, равен ты Нарыну,
Бурному красавцу исполину,
Если стих произит тебя, как молния.

ПИШУЩЕМУ СТИХИ

Если ты за людей никогда не болеешь,
Если ты не других, а себя лишь жалеешь,
Если ты повторяешь: «Всегда это было»,
Если сердце твое никого не любило,
Если мысли твои однозначно жестоки,
То зачем ты играешь в звенящие строки?

Если ты не шагаешь сквозь черные ночи,
Чтобы к свету был путь для народа короче,
Если сам не способен сгореть, словно факел,
Если выгоду рад ты искать в каждом факте,
Если видишь ты только чужие грехи,
То зачем же ты все-таки пишешь стихи?

Если ловко владеешь ты модною рифмой,
Обходя с ее помощью многие рифы,
Если правду в глаза говорить не способен,
Чем порою начальству бываешь угоден,
Если храбрость теряешь во вражеском стане,
Ты еще не поэт, да и вряд ли им станешь.

* * *

Если стих пронзит тебя, как молния,
Вздрогнет тело, пламенем объятое,
На кресте поэзии распятое,
Если стих пронзит тебя, как молния.

Если стих пронзит тебя, как молния,
Ты вернешься, словно бы из космоса,
Обретя давно тобой искомое,
Если стих пронзит тебя, как молния.

Если стих пронзит тебя, как молния,
Силой станешь равен ты Нарыну,
Бурному красавцу-исполнцу,
Если стих пронзит тебя, как молния.

ПИШУЩЕМУ СТИХИ

Если ты за людей никогда не болеешь,
Если ты не других, а себя лишь жалеешь,
Если ты повторяешь: «Всегда это было»,
Если сердце твое никого не любило,
Если мысли твои однозначно жестоки,
То зачем ты играешь в звенящие строки?

Если ты не шагаешь сквозь черные ночи,
Чтобы к свету был путь для народа короче,
Если сам не способен сгореть, словно факел,
Если выгоду рад ты искать в каждом факте,
Если видишь ты только чужие грехи,
То зачем же ты все-таки пишешь стихи?

Если ловко владеешь ты модною рифмой,
Обходи с ее помощью многие рифы,
Если правду в глаза говорить не способен,
Чем порою начальству бываешь угоден,
Если храбрость теряешь во вражеском стане,
Ты еще не поэт, да и вряд ли им станешь.

* * *

Писать стихи — мученье,
Но все же их пиши.
Писать стихи — лечение
Измученной души.

Секунда за секундой,
Томления полны,—
И вот уже скакун твой
Прыжком достиг луны.

* * *

Хочешь выслушать совет — мой совет таков:
Не спеши к своим грехам добавлять грехов;
Цель свою не осознав, не пиши стихов,
Тайну жизни не узнав, не пиши стихов,
Не пройдя огонь и лед, не пиши стихов,
Тяжесть лет не испытав, не пиши стихов.

СТИХИ, ЕЩЕ НЕ СОЗДАННЫЕ МНОЙ

Стихи, еще не созданные мной,
Сияете вы сладкой повизной.
Стихи, еще не давшие мне,
Бы словно горы в белой вышине.

Стихи, в тетрадь не вписанные мной,
Какой же оплачу я вас ценой?
Стихи, вчера прилепившиеся мне, —
Живой цветок, обугленный в огне.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

1

Азизбек, усни, усни-ка,
Счастья моего владыка.
Вырастай ты азаматом¹,
Людям любящим будь братом.

Азизбек, мой храбрый воин,
Будь любви людской достоин.
Слушай доброго совета,
Доли лучше нет, чем эта.

Азизбек, мой беркут сильный,
Распахни крыла под синью,
Одолей всю даль земную,
А потом лети в иную...

2

Повторяю без конца:
Сни, упрямый,
Жеребеночек отца,
Радость мамы.

Сни, в грядущее письмо...
Сни, счастливый.
Сни, веселое мое,
Сын красивый.

Пусть хранит тебя от бед
Свет участия.

¹ А з а м а т — молодец.

Сни, рожденный для побед
И для счастья.

Ты не будешь одинок,
Мой прекрасный,
Скоро утро, сни, сынок,
Сокол ясный.

У тебя все впереди,
Мой росточек.
Талисманом на груди
Сни, сыночек.

Остров любви

ОСТРОВ ЛЮБВИ

*Остров любви, зря тебя я на картах искал,
Ни Магеллан, ни Колумб не открыли тебя.
Ты опоясан грядою гранитных оскаленных скал,
Взять ее силой нельзя, можно только любя.*

*Сколько людей устремляли глаза на восход,
Сколько мечтали тебя для себя покорить,
Сколько людей отправлялись в далекий поход,
Чтобы судьбу свою жалкую после корить.*

*Чем я причастен к заветной истории сей?
Сердце свое я пустил по тому же пути,
Много уж лет я ищу тебя, как Одиссей,
Много уж лет я хочу на тебя набрести.*

*Берег мелькнет — и спешу я на всех парусах,
С силою волны швыряют корабль мой назад.
Уж седина в моих черных блестит волосах,
Уж потускнел мой, когда-то сияющий, взгляд.*

*Не покидает надежда безумца никак.
Я выбиваюсь из сил, словно загнанный конь,
Я похудел, как худеет порой аргамак,
Я истомился от этих напрасных погонь.*

*Остров любви, будоража меня, словно хмель,
Столько мелькал, чтобы снова из виду пропасть.
Остров любви — моей жизни великая цель,
Неисцелима к нему моя вечная страсть.*

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Поэма из отдельных стихотворений

Там человек сгорел...

А. Фет

* * *

Я нынче взять хочу ту тему,
Что выжгла сердце мне дотла,
Я написать хочу поэму
О нас, чтоб правдою была.

Даруйте смелость, слезы злые,
Мойм сегодняшним делам,
Вставайте снова, дни былые,
И говорите мне: «Салам!»

* * *

Кого можно винить, а кого нельзя?
Кто виновен, мы или наши друзья?
Нль настолько слабой была любовь,
Чтобы, вспыхнув, тут же угаснуть вновь?

Я во тьме ночной, как беглец, изгой,
Наширосы курю одну за другой,
Наширосы те на губах торчат,
К потолку восходит их серый чад.

Потолок познания беды высок.
Бьется прошлое в мой седой висок.
Достоверно знаю я лишь одно,
Позабить друг друга нам не дано.

Как змея за пазухой, память та,
От которой в комнате темнота,
Как змея за пазухой, холодит,
Шевельнись лишь только, не пощадит.

Но ведь я пощады ее не жду,
Призываю сам лихую беду.
Только мнится мне, что и ты не спишь,
Что и ты на сердце змею таишь.

Ты напрасно память не вороши,
Не звони и писем мне не пиши,
Прекрати ты близких моих расспросы.
...Распусти на плечи густые косы.

Вырви волос черный и брось в огонь,
Застучит коньками серый конь,—
Это я примчался, забыв все зло,
Чтоб тебя, схватив, посадить в седло.

Чтобы встало солнце в крошечной мгле,
Чтобы мчались мы по родной земле.
Сговори же древнее колдовство,
Чтоб настало дивное торжество!

* * *

Что любил, то правда, от людей не прячась,
Не скрывая чувства первого горячень.
Вздрагивало сердце, словно бы под током,
Если обращалась ты со мной жестоко.

Что любил, то правда, не боясь печали,
Ведь мои надежды счастье обещали.
Если целый день я вдруг тебя не видел,
Называя черным, день тот ненавидал.

Что любил, то правда, — ночью до рассвета
Сочинял я письма, ждал на них ответа.
А ответ, в котором прочитал «люблю» я,
Покрывал слезами, радостно целуя.

...Кровоточит сердце, ранено тобою.
Что же ты не рада своему разбою?
Без тебя лишь горе жизнь мне обещает,
Но вину такую сердце не прощает.

* * *

С каждой ссорой все виднее
Распадалась цень на звенья.
С каждым днем все холоднее
Становились отношения.

Мы друг друга не щадили,
Злость была — как наважденье.
Мы за все друг другу мстили,
Находя в том наслажденье.

Словно в жизни этой зыбкой
Мы ни в чем не колебались.
Сладкой, деланной улыбкой
На пароды улыбались.

Улыбались на пароды,
«Все в порядке» — отвечали,
Хоть уж силы — на исходе,
Хоть сердца — полны печали.

Хоть пожарником пылает
Нашей верности жилище,
Догорает, дотлевают
Златое пенеллище.

* * *

Не была ты к добру готова.
Ты сказала мне злое слово,
Ты сказала слово жестокое.
Сердце вздрогнуло одинокое.

Одинокое во Вселенной,
Обескровленное изменой,
Обескровленное, оскорбленное,
От любви навек отреченное.

* * *

Прощай, любимая, счастье мое,
Не позабудем мы прошлые годы,
Пусть омрачила их мгла непогоды,
Прощай, любимая, счастье мое.

Прощай, любимая, злато мое,
Не опускай головы горделивой,
Порадуй улыбкой своей торопливой,
Прощай, любимая, злато мое.

Прощай, любимая, горе мое,
Выпей вина со мной на разлуку,
В глаза погляди, утаив свою муку,
Прощай, любимая, горе мое.

* * *

«Уходя, уходи» — вот хорошее правило,
Потому я хочу, чтоб оно тобой правило.
Мне не надо, поверь, твоего покаянья.
Будь достойна себя, будь достойна страданья.

Кто виновен из нас? Ведь не в этом же дело.
Да, поступками нашими зло овладело,
Да, мы нашу любовь как могли убивали,
Для себя незаметно душой убывали.

Что же делать, коль страшен суд совести нашей?
Мы словами шуршим, как листвою опавшей.
Лучше вспомни то светлое, что у нас было,
Как любил я тебя, как меня ты любила.

Да пребудет та память с тобою навек,
До того, как предемертно закроются веки.
«Уходя, уходи» — вот хорошее правило.
Я хочу, чтоб сегодня оно тобой правило.

* * *

Где стать твоя, где гордость, наконец?
Где разум твой, достоинства венец?
Не унижай себя в моих глазах,
Не утопить отчаянья в слезах.

Да и в вине его не утопить,
Забвения за деньги не купить.
Но надо жить. Но надо продолжать
Плоды своих поступков пожинать.

Да, обернулся ядом сладкий мед,
И это нам покоя не дает.
Я верю, что почамы плачешь ты,
Что дни твои печальны и пусты.

Но ты не знаешь, как истерзан я
Бессчетными камнями бытия.
Клубится дым бессчетных папирос...
Как выстоять? — Вот в чем сейчас вопрос.

* * *

Шея твоя дунистая
Вечно со мной.
Прядка твоя пунистая
Вечно со мной.

Розовых губ малина,
Взглядов твоих огни,
Солнечная долина,
Где мы были одни.

Только вдвоем на свете,
В целом мире вдвоем.
И за себя в ответе
Мы перед этим днем.

Перед людьми Ала-Тоо
Я от стыда горю.
Собственный суд сурово
Я над собой творю.

Вслед нам глядели люди,
Радовались за нас.
Кем же в глазах их будем
Мы в этот черный час?

Кто-то на нас покажет, —
Радовались, мол, зря.
Кто-то совет подкажет,
Жалостью нас дари.

Чаша сия не минет.
Надо сквозь все пройти,
Ибо для нас отныне
Нет иного пути.

Что же ты натворила?
Что наделала ты?
Будущее сгубила, —
Дали его пусты.

* * *

Как быстро промчалось время,
Не удержать за стремя.
Время — бег аргамака
Среди степного мака.

Счастье тебе приснится,
Рыжей лисой промчится.
Вот он, твой ловчий сокол —
В небо взлетел высоко.

Вот он падает с неба...
Только быть твоя — небыль.
Так ли, или иначе,
Цету ни в чем удачи.

Стала любовь враждою,
Радость стала бедою,
Горе вошло в обычай,—
Сокол не взял добычи.

* * *

Сладок сон до рассветной поры,
Лишь во сне мы друг к другу добры,
Лишь во сне я тобою любим,
Лишь во сне я судьбою храним.

Мы во сне — Олджобай с Кишимджан¹,
Но рассеется утром туман,
Языю сменится сон дорогой,
Станешь ты совершенно другою.

И другим стану я поутру,
Закружиться мой сон на ветру,
Солнце я, как врага, прокляну,
Но руки тебе не протяну.

Коль тебя повстречаю я вдруг,
На лице твоём вижу испуг.
Чересчур побледнел, похудел?
Что же, это теперь мой удел.

Вижу я — впали щеки твои.
...Сколько в сердце напрасной любви,
Сколько в нём перастраченных сил!
На руках бы тебя я носил.

На колени бы пал, как Меджун²,
До заветных дотронулся струн,

¹ О л д ж о б а й, К и ш и м д ж а н — герои одноименного киргизского эпоса.

² М е д ж у н — странник любви, один из традиционных персонажей поэзии Востока.

Что на скрипке страданий звучат,
Чьи пазелы печалью горчат.

Но ко мне возвращается днем
Память та, что сжигает огнем.
Не вернуться нам в прошлое, нет.
Затерялся во тьме его след.

* * *

Ночь идет со своим раскладом,
Со своим особым стихом.
Снится домик с вишневым садом
В переулке дальнем, глухом.

Снится домик, в котором жили,
Где тепло встречали гостей.
Снится домик, где мы растили,
Где лелеяли мы детей.

От любви были сами — дети...
Понимаю я лишь сейчас,
Что на всей огромной планете
Не бывало счастливей нас.

Незабвенные наши пачи
Помнит низенький домик тот,
Не бывало почей короче,
Не бывало выше высот.

Домик, мне твои стены святы,
Ты впилал в себя нашу суть,
В эти дни тоски и расплаты
Ты моим свидетелем будь.

Нет, не падо! Храпите, стены,
Нашу тайну и нашу боль.
Переменчивы перемены,
Вместо сахара нынче — соль.

Стены, в горе мое поверьте, —
Не дано мне измен прощать.
Домик молодости, до смерти
Буду я тебя навещать.

* * *

Волнуется озеро в бурю.
Волнуется в скорби душа.
Невольно я брови нахмурю,
Припомнив, как ты хороша.

Припомню я тело литое
И ласковых рук колдовство.
У берега озера стоя,
Припомню коварство твоё.

Всегда эта память лихая
Со мной на любом рубеже.
На озере буря стихает,
Но вечно бушует в душе.

Стены, в горе мое поверьте, —
Не дано мне измен прощать.
Домик молодости, до смерти
Буду я тебя навещать.

* * *

Волнуется озеро в бурю.
Волнуется в скорби душа.
Невольно я брови нахмурю,
Припомнив, как ты хороша.

Припомню я тело литое
И ласковых рук колдовство.
У берега озера стоя,
Припомню коварство твое.

Всегда эта память лихая
Со мной на любом рубеже.
На озере буря стихает,
Но вечно бунтует в душе.

* * *

Ты мечтой моей стала желанной,
Но опять ты меня избегаешь,
Но опять от меня убегаешь.
Как мне быть с этой участью странной?

Ты мечтой моей стала желанной,
Но влечению жестокого рока
От тебя посидел я до срока.
Что мне делать с бедой своей главной?

Ты мечтой моей стала желанной,
Но гражда нас с тобой разделила,
Неподвластная разуму сила
Опоила травой отравной.

Ты мечтой моей стала желанной.
Я писал тебе лучшие строки,
Но слова твои были жестоки.
И изранен я сплетней бесславной.

Ты мечтой моей стала желанной,
А молва все утихнуть не может,
Каждда мести тебя еще гложет
В этой жизни, на радость нам данной.

Ты мечтой моей стала желанной,
Но сумела лишнить меня чести.
Не хочу больше приторной лести,
Не желаю улыбки коварной.

Ты мечтой моей стала желанной.
Но не верю слезе твоей боле.
В моей горькой, обиженной доле
Мне не надо тоски покаянной.

Ты мечтой моей стала желанной.
Досаждал, докучал тебе разве,
Чтоб настолько смешать меня с грязью? —
Я спрошу у тебя, свосправной.

Ты мечтой моей стала желанной.
Я считал тебя лучшей из женщин.
Но тебе среди многих изменщиц
Быть не лучшей, не худшей, а равной.

Ты мечтой моей стала желанной.
Видишь, сердце мое кровотоцит,
Но простить тебя разум не хочет,
О разлуке мечтаю отрадной.

* * *

Почему так сладко нам раньше было?
Почему от счастья нас знобило?
Почему от радости в жар бросало?
Почему теперь нам так горько стало?

Почему нас румянила наша бедность,
А в достатке на щеки ложится бледность?
Раньше были слепы — и вдруг прозрели,
Друг на друга пристально посмотрели.

Так среди убитого зноем сада
Прорастает злая полынь-досада.
Так снега ложатся на степь сухую.
Так приносят годы тоску глухую.

* * *

Ты песней была сокровенной.
Ты стала бедой откровенной.
Беды от людей не прячу.
Как малый ребенок, плачу...

* * *

Не сбылись мои большие ожидания.
Призываешь ты на помощь белизну:
Оправдания, оправдания, оправдания,
Нежелание признать свою вину.

Зря кидаешься то в тот, то в этот угол,
О тебе молва все та же, что была:
Черный уголь, черный уголь, черный уголь,
Никогда ты не отмоешь добела.

* * *

В этом существование немирном
Тесен город и тесен мир нам,—
Вот я снова глазами вслед
Провожая твой силуэт.

Я бегу, чтоб тебя не видеть,
Ибо легче так ненавидеть,
Но опять мечтаю о встрече,—
Время-врач слишком долго лечит.

Все бы я простил, дорогая,
Одного лишь себя ругая
За ошибки и прегрешенья,
Но вине твоей нет прощенья.

* * *

Страшный сон я нынче ночью видел,
Будто плачешь, что тебя обидел.

Долго, мол, тебя не навещаю,
Понапрасну встречу обещаю.

— У тебя, — сказал, — собака злая,
Слишком много шума, много лая. —

Состоялось жаркое свиданье,
Обняла меня ты на прощанье.

— Приходи ко мне, — сказала, — чаще,
Во дворе не встретит пес рычащий.

По намеку твоему, по знаку,
Отравила я свою собаку. —

Нет! Мне больше нет сюда дороги,
Не унять отныне мне тревоги.

Ведь, когда тебе наскучу рядом,
Ты меня отравишь тем же ядом.

* * *

Милая, я в снах своих не волен.
Снова боль мне сердце обожгла.
Мне приснилось, что я очень болен,
Ты ж меня проведать не пришла.

Мне приснилось, что я умираю,
И земные завершив дела,
У постели близких собираю, —
Ты ж со мной проститься не пришла.

Затишают перед гробом сплетни,
Смерть глядит из темного угла.
Мне приснилось, что и в путь последний
Проводить меня ты не пришла.

Но и там, откуда нет возврата,
Где клубится голубая мгла,
Буду ждать тебя, моя утрата,
Если здесь ко мне ты не пришла.

* * *

Все готов тебе ныне простить,
Словно в прошлом не ты, а другая,
Но, больного, меня навеснить
Не торопиться ты, дорогая.

Ты преграды с пути отстраня,
Не тревожь дорогие могилы,
Ты из чашки любви отхлебни,
Чтоб вернуть себе прежние силы.

* * *

Переложив друг на друга вину,
Мы объявили друг другу войну.
Сколько протянется это сраженье?
Оба мы терпим пока поражение.

В этой войне многолетней и трудной,
В этой измученности обоюдной,
Видно, придется нам жизнь доживать,
Снова и снова пожар раздувать.

Ты воевать никогда не устанешь.
Чем меня завтра смертельно ты ранншь?
Что же, мой враг, замышляешь ты ныне?
Вооружен я стихами одними...

* * *

Я тебе подарил цветок.
Он, растоптан, лежит в пыли.
До чего же твой нрав жесток!
У цветка свой грех отмоли!

Я тебе подарил кольцо.
Покатилось оно, звеня.
Отвернул я свое лицо.
Не отмолишь грех у меня!

* * *

А сегодня ты приснилась
Очень юной в платье белом,
Той, что прочно поселилась
В моем сердце оробелом.

И себе я снился юным.
Тем, что был пленен тобою,
Опьяненным и бездумным
Под звездою голубою.

Вот ищу я взгляда взглядом,
Вот рукой сжимаю руку.
Мы идем с тобою рядом,
Мы не знаем про разлуку.

По дороге, вдаль зовущей,
Разговор ведем сердечный.
Видим вдруг — рекой ревущей
Прегражден наш путь беспечный.

Тучи на небе сгустились,—
Не уйти от приключенья.
Мы бесстрашно вплавь пустились
Против бурного течения.

Где ты? В этой черной бездне,
Чьей-то волею влекомый,
То мелькнет, а то исчезнет
На волне платок знакомый.

Я догнать его стараюсь
У речного поворота,
Я схватить его пытаюсь,
Вырвать из водоворота.

Гулко сердце мое бьется,
Потому что неизменно
На ладонях остается
Только пена, только пена.

А потом на берегу я
Слезы горько проливаю,
И судьбу свою, тоскуя,
Одинокий, проклиная.

...Встало солнце желтым кругом,
Желтый луч лица коснулся.
Я проснулся. Но не другом,
Я врагом тебе проснулся.

* * *

Когда люди ложатся в постель,
Как глубоко тоску я ни прячу,
Запевает слышнее свирель
Про большую мою неудачу.

Когда люди отходят ко сну,
Я один выхожу на прогулку,
Не тревожа ночную страну,
По родному иду переулку.

Ночь темна, а на сердце — темней.
Долго тьме этой горестной длиться,
Ибо не с кем мне тайной своей
И обидой своей поделиться.

Мне тебя не забыть никогда.
Ты — и горечь моя, ты — и сладость,
Ты — Чолпон, зарева звезда,
Ты — моя горемычная радость.

Вот встают наши дни предо мной,
Память лучшие из них выбирает,
Жар вздымается в сердце волной,
Только сердце никак не сгорает.

Не спалить мое сердце дотла
Ни измене твоей, ни навету,
А ведь как бы ты рада была
Его пепел развеять по свету.

Но зато ни весной, ни зимой
От тебя никуда мне не деться.
В темноте возвращаюсь домой,
Силы нет для того, чтоб раздеться.

Все поняв, ничего не приняв,
Место яви я сну уступаю,
Обреченно подушку обняв,
На заре наконец засыпаю.

* * *

В семье царит завидный мир,
Веселый гам детей.
Любимая готовит пир
Для преданных друзей.

В чем нашего согласия суть?
Мне верный друг жена,
Ей стоит на меня взглянуть,
И все поймет она.

И я ее без слов пойму.
Мы вместе навсегда.
Но ссора наша почему,
И почему вражда?

Мы плачем оба, не стыдись,
Над глупостью былой.
...Но как непрочна эта связь
Меж сном и явью злой.

И сле сдерживая стои,
Так сердцу тяжело,
Я просыпаюсь. Кончен сон
О том, что быть могло.

* * *

Из гнезда, что ты нынче свила,
Долетают случайные вести.
Мне сказали, что ты порвала
Фотографию ту, где мы вместе.

Ты, как прежде, порывом живешь,
Вся — мгновенный поступок и слово.
Но ведь прошлого не разорвешь,
Но ведь в мусор не бросишь былого.

* * *

Мне смерть опять приснилась.
Свой долг жены цenia,
На этот раз явилась
Ты хоронить меня.

Покрыта черной шалью,
Явилась ты в слезах,
С трагической печалью
В заплаканных глазах.

Дрожали, как в ознобе,
В руках твоих цветы.
И думал я во гробе,
Как все же лжива ты!

* * *

От ненависти череп я, как камень.
Приснишься ты, и сразу сон мой капет...
И снова явь, и снова паппросы,
И снова перешенные вопросы.

Ворочаюсь без сна в своей постели.
Да, тяжело любви твоей похмелье!
Уж новый день в окно лучами плещет,
А на стене былая тень трепещет.

Но если я тебя так ненавижу,
То почему тогда повсюду вижу?

* * *

Сыт по горло я твоей любовью,
Горделивой статью, тонкой бровью,
Нежными объятьями твоими,
Ссорами, идущими за ними.

Сыт по горло я обидой вечной,
Сущностью твоею бессердечной,
Завистью, попреками, слезами,
Суетными этими годами.

Сыт по горло я всем тем хорошим,
Всем плохим, которым жизнь итожим.
Обрела меня судьба на муку,
Дав в подруги мне такую злюку.

* * *

Хочешь оболгать меня, так лги же,
Ложь тебе всего на свете ближе.
Коль произнесут такое губы,
Говори, что был с тобою грубым.
Лги, коль ты пошла такой дорогой,
Но моей любви к тебе не трогай.

Хочешь оболгать, зови лентяем,
Пошляком, глупцом и негодяем;
Пьяницей зови меня, гулякой;
Если очень хочется — собакой.
Лги, коль ты пошла такой дорогой,
Но моей любви к тебе не трогай.

Хочешь оболгать, тверди упрямно,
Что я лыс, хоть это не позорно,
Что горбат, что слишком мал я ростом,
Оболгать любого очень просто.
Лги, коль ты пошла такой дорогой,
Но моей любви к тебе не трогай.

* * *

Мы столкнулись раз, выйдя на люди,
Словно оба споткнулись на палехи.
И о сложности той ситуации
Застучали сердца, словно рапи.
Но мы наши сердца приневолили, —
Может, завтрашний день обездолили.

А потом без людей мы столкнулись
И друг к другу тотчас потянулись,
В жгучей сладости откровения
Мы искали с тобой примирения.
...Ненадежной была та опора,
Коль назавтра же вспыхнула ссора.

Наша любовь — многотрудный роман,
Делось — в начале, а после — туман.
Где твоей первой слезы чистота?
Горе не то, да и радость не та.

Наша любовь — бесконечный роман,
Словно глубокий волшебный карман;
Кажется неисчерпаемым он,
Все продолжается плюзион.

Наша любовь — любопытный роман,
Правда — в начале, а после — обман,
Прочной была изначальная нить,
Да не умели мы это цешить.

* * *

Надо мной небеса туманятся,
Дождь идет большой.
Не пиши мне писем, красавица,
Не криви душой.

Не желай мне счастья, красавица,
Я ведь вижу ложь.
Если доля моя поправится,
Для тебя то — нож.

Если доля твоя поправится,
Я впаду в тоску.
Мир от ревности не избавится
На моем веку.

* * *

Наша любовь — многотрудный роман,
Ясность — в начале, а после — туман.
Где твоей первой слезы чистота?
Горе не то, да и радость не та.

Наша любовь — бесконечный роман,
Словно глубокий волшебный карман;
Кажется неисчерпаемым он,
Все продолжается иллюзией.

Наша любовь — любопытный роман,
Правда — в начале, а после — обман,
Прочной была изначальная нить,
Да не умели мы это цешть.

* * *

Надо мной небеса туманятся,
Дождь идет большой.
Не пиши мне писем, красавица,
Не криви душой.

Не желай мне счастья, красавица,
Я ведь вижу ложь.
Если доля моя поправится,
Для тебя то — нож.

Если доля твоя поправится,
Я впаду в тоску.
Мир от ревности не избавится
На моем веку.

* * *

Нет! Я мольбою себя не унижу,
Я о свидании тебя не молю.
Только закрою глаза — и увижу
Явственно, явственно радость мою.

Всю до деталей, до черточки каждой...
Сам своей муки создатель и страж,
Одoleваемый страшною жаждой,
Я за ручей принимаю мираж.

Но на твоём я не встану пороге,
В прошлое наглухо заперта дверь.
Нет! Не сойдутся наши дороги,
Это я явственно вижу теперь.

* * *

Если прочтешь ты стихи Гейне,
Поймешь в какой я горю геенне.

Если прочтешь ты стихи Хафиза,
То своего устыдишься каприза.

Если прочтешь ты стихи Махмуда,
Захочешь любви великого чуда.

Если прочтешь ты мои стихи,
Оплачешь горько свои грехи.

* * *

Ты — мои бесчисленные муки,
Мой позор, моя дурная слава,
Ты — аркан, связавший мои руки,
Заревых степен моих потрава.

Ты — мои томительные ночи,
Сны, что и бессонницы страшнее,
Сны, что постоянно сердце точат
Тем, что не был вовремя умнее.

Ты — мои несметные болезни,
Рапа, что не может затянуться.
Знаю, знаю — было бы полезней
На тебя тогда не оглянуться.

Небывало сладкому обману
Не поддаться телом и душою.
Только я жалеть о том не стану,
Что любовь была такой большою.

Что любовь была подобна чуду
И подобна роковой напасти.
Только я жалеть о том не буду,
Что навек проклясть тебя не властен.

Не дано нам быть отныне вместе.
Но когда глаза я закрываю,
То порой об оскорбленной чести,
О своей обиде забываю.

* * *

Тополь белый, тополь горделивый,
Прихожу к тебе я молчаливый.
Тополь, страж моей давнишней тайны,
Прихожу я тихий и печальный.

Помнишь, тополь, приходил я с милрой,
С той, что жаркой мукой истомила.
Под твоей гостеприимной кроной
Я губами губы милой тронул.

Но над нами в этот миг чудесный
Раскололся темный свод небесный,
Грянул гром за молниен следом,
Сжал мне сердце страх, что был неведом.

Милая к груди моей прижалась...
Тополь, испытал ли ты к нам жалость,
Понял ли, чем кончится все это,
Знал ли, что исполнится примета?

Ты на мой вопрос не отвечаешь,
Лишь ветвями грустными качаешь,
Привечаешь ты другие пары.
Как судьбы мне выдержать удары?

Как под бурей выстоять мне, тополь,
Как мне с сердца смыть густую копоть,
Прах любви, печальный серый пепел,
Мир вернуть, который был так светел?

* * *

Ты распускаешь сплетни,
Которых нет нелепей.
Чужими стали дети,
И ты за то в ответе.

Ты злобою пылаешь,
Ты мне лишь зла желаешь,
Чтоб я черпел от горя,
С такой судьбой не споря.

Чтоб я к миру тянулся,
Чтоб к жизни не вернулся,
Чтоб впал в тоску-дремоту,
Чтоб запустил работу.

Мне нелегко, не скрою,
Что слезы лью порою,
Что были дни и ночи
Погибели жесточе.

Что создавали слухи
Порой слона из мухи,
Что мне доселе стыдно
И горько, и обидно.

Ты смерти мне хотела,
Но ты не одолела.
Как выстоял я, выжил,
Из схватки целым вышел?

Ответ мой наготове:
Спасенье было в слове,
В моих задумках дальних,
В стихах исповедальных.

* * *

Стала письма писать почему?
Одиноко ли в новом дому?
Или совесть тебя тяготит,
Как укор по углам шелестит?

Дорогая, поверить пора,
Между нами не поле — гора.
Сколько лет прорывать в ней туннель?
Не пройдет ли тоски твоей хмель?

Если я и приду, то когда?
Нелегко нам даются года.
Но запомни на всякий случай,—
У дверей ожиданьем не мучай.

* * *

Во сне опять мережишься ты,
Та, что так нежно меня ласкала.
Во сне переваливаю хребты,
Имя твое пишу на скалах.

Во сне пустынею желтой бреду.
Кажется мне — ты в песках мелькнула.
Во сне тебя призываю в бреду.
Как ты сбежать от меня рискнула?

Беркутом сильным лечу к луне,
Чтобы оттуда тебя увидеть,
Как ты могла не поверить мне?
Как ты могла меня так обидеть?

Снится мне — в поезде едешь ты.
Снится мне — ты погибла в крушенье.
Плачу я. В прах разлетелись мечты,
И наступает опять пробужденье.

* * *

Ты написала, милая, в письме:
«Оставь в покое прошлое, прошу!»
Но растолкуй, а что же делать мне,
Коль эту рану в сердце я ношу?

Что делать, если прошлое болит,
И гонит в путь, как странника, любовь,
Что делать, если прошлое велит
Безумствовать во имя его вновь?

Что делать мне, Хафизу, Асылджан?
Как через бездну горя перейти?
Зачем свет дивный этой жизни дан,
Коль должен я слезами изойти?

Я буду вспоминать тебя такой,
Какую часто целовал, любя.
В могилу лягу с тою же тоской,
С какою жил на свете без тебя.

* * *

Почему ты мне спишься распускающей волосы,
Заплетающей их в сорок мелких косичек?
Смотришь ты на меня сквозь те черные полосы
То в упор, а то вдруг виновато косишься.

Почему ты мне спишься веселой такую?
Зря сегодня колдуешь, почная царица,
Вздрыгнет сердце мое у тебя под рукою,
Только страстью былою не загорится.

Почему ты мне спишься такую печальной?
Равнодушие мое, ведь твое это дело,
Отлетела любовь с нашей песней венчальной,
Омертвело когда-то пылавшее тело.

Почему ты мне спишься такую влюбленной?
Ах, колдунья, не надо со мной притворяться,
Зря ты письма мне пишешь, зря шлешь мне поклоны,
Ведь цветенью любви не дано повторяться.

Почему ты мне спишься и утром и полночью?
Почему вслед за словом, за мыслью люблюю,
Ты встаешь надо мною затмением солнечным?
Что ж, казни, если я виноват пред тобою!

Почему ты мне спишься такую далекой,
Что готов я простить все твои прегрешенья?
Так любимые снятся в разлуке жестокой
Накануне беды, накануне крушенья.

* * *

До утра шел дождь и капли стучали,
Словно в уши давнее что-то шептали.
Донесился запах грибной из леса.
В грозовых раскатах рождалось лето.

Трепетало тело мое от грома
Под надежной крышей родного дома.
...Помнишь, как ходили мы за грибами?
Помнишь, как искали губы губами?

Исцели мою душу, весенний ливень,
Докажи, что ты силой особой дивен.
Зеленейте снова, мои надежды,
Как зеленых мокрых холмов одежды.

* * *

Память, тьмы и света перепад...
В давнем детстве драться мы умели.
Ты хранишь ли в памяти закат,
Когда вместе ежевику ели?

Эти годы улетели прочь.
Путь иные отмечали знаки.
Ты хранишь ли в памяти ту ночь,
Когда вслед нам лаяли собаки?

Даровала молодость совет,
Пал я на колени, торжествуя.
Ты хранишь ли в памяти рассвет,
Когда шею целовал твою я?

* * *

До утра шел дождь и капли стучали,
Словно в уши давнее что-то шептали.
Донесился запах грибной из леса.
В грозových раскатах рождалось лето.

Трепетало тело мое от грома
Под надежной крышей родного дома.
...Помнишь, как ходили мы за грибами?
Помнишь, как искали губы губами?

Исцели мою душу, весенний ливень,
Докажи, что ты силой особой дивен.
Зеленейте снова, мои надежды,
Как зеленых мокрых холмов одежды.

* * *

Память, тьмы и света перепад...
В давнем детстве драться мы умели.
Ты хранишь ли в памяти закат,
Когда вместе ежевику ели?

Эти годы улетели прочь.
Путь иные отмечали знаки.
Ты хранишь ли в памяти ту ночь,
Когда вслед нам лаяли собаки?

Даровала молодость совет,
Пал я на колени, торжествуя.
Ты хранишь ли в памяти рассвет,
Когда шею целовал твою я?

* * *

Почему у моря так тоскливо пела,
Что сказать той песней ты тогда хотела?
Под луной холодной щеки утирала,
На песок горячий слезы проливала.

Может быть, ты вспомнила давние те годы,
Сад, где укрывались мы от непогоды?
Может быть, ты вспомнила первые те встречи,
Мелкие размолвки, сбивчивые речи?

Может быть, ты вспомнила наши расставанья,
Полные надежды, страсти, ожидания?
Может быть, ты вспомнила то, как мы любили,
Как неосторожно чувство погубили?

Может быть, подумала, что уходит время,
Что идет на смену молодое племя,
Что любовь подобна молнии разящей,
Дни же, что остались — лишь золе летящей?

* * *

Печальна утрата любимой,
Все радости словно бы мимо.
Зачем эта жизнь без любви,
В красе ее неоценимой.

Какое же нужно терпенье
Испытывать вечно мученье,
Лить слезы в тоске по любви,
Свое проклиная рожденье.

* * *

Будить тебя телефонным звонком
Средь черной ночи мне хочется,
Но в горле слезы стоят, как ком,
Но в сердце моем — одиночество.

Я в мыслях рядом с тобой тогда,
Когда ты молодость тратишь,
Когда гибает тебя беда,
Когда ты стонешь и плачешь.

Но ты в участие мое не верь,
Пройду я при встрече мимо.
Невозвратно время потерь,
Доверье невосполнимо.

* * *

Я любил тебя, так любил тебя,
Незабвенную, дорогую.
Я любил тебя, так любил тебя,
Глядя в сторону на красу другую.

Я любил тебя, так любил тебя,
Безоглядно шел навстречу крушенью.
Я любил тебя, так любил тебя,
Обнимая другую, целуя в шею.

* * *

Не кусай, дорогая, губы.
Будет этот огонь гореть.
Будут петь молодые трубы,
Не давая нам умереть.

Не ломай, дорогая, руки.
Слышишь, трубы опять поют.
Небывалые наши муки
Алым солнцем в небе встают.

* * *

Ты за что же мне так отплатила,
Черным зельем меня угостила?
По какому законному праву
Поднесла ты мне эту отраву?

* * *

Слово твое — пуля в сердце,
Дело твое — рана в сердце,
А сердце — оно одно
На целую жизнь дано.

Буду время молить
Боль мою исцелить
Чтоб ожило мое сердце,
Чтоб расцвело мое сердце.

* * *

Едва слова «Сон-Куль» произнесу,
Как окажусь я в сказочном лесу,
Где сказочные звери правят пир,
Где только воля — истинный кумир.

Где бой идет и где струится кровь,
Где мне дано услышать вновь и вновь,
Как древний пращур, сказочный Манас
Оповещает о победе нас.

Когда слова «Сон-Куль» я повторю,
Закроют крылья лебедей зарю,
Всплывут русалки из речных глубин,
Но я останусь, как всегда, один.

Ведь мы с тобою потерялись здесь,
И в этом что-то колдовское есть,
И лжем мы потому, что не найти
Друг друга нам на жизненном пути.

* * *

Прощай, а моя дорога длинна,
Длинна и горька, как наша вина.
Не забывай же меня, дорогая,
Да будет дорога твоя ясна.

Не верю в то, что забудешь меня,
С тобой я буду средь ночи и дня.
Но если забудешь меня, дорогая,
Молчи, пустословьем любовь не казня.

Прощай навсегда, догорела свеча,
Хоть боль еще тлеет, еще горяча.
Дороги средь волн не ищи, дорогая,
Отравы не пей, свои раны лечи.

* * *

Ты забыта мною и легко и мудро,
Словно сон, что снится иногда под утро.
Я тебя не помню, я тебя не знаю.
Я другие травы нынче приминаю.

Я тебя не знаю. Все давно остыло.
Мир мой озаряет зимнее светило.
...Ты прости, родная, этот жалкий лепет.
Ты навеки в сердце, словно черный лебедь.

* * *

Как только я увидел Вас,
Вы мне понравились тотчас.
На людях с Вами пошутил
И сразу холод ощутил.

Поскольку Вы на шутника
Лишь поглядели свысока.
Ушли не попрощавшись Вы.
Не мог поднять я головы.

Я словно бы оцепенел,
Стоял и от стыда краснел,
Неловкость чувствуя свою,
Как поражение в бою.

Но доброй к нам судьба была,
И снова нас она свела,
Вы вдруг вошли в автобус мой,
Приветливой, совсем иной.

Кивнув, Вы улыбнулись мне.
А после долго в тишине
Брели мы берегом реки,
И были мысли далеки.

И был Ваш взгляд порою строг,
Когда казалось Вам, что мог

Я прикоснуться к Вам рукой.
...Тогда я потерял покой.

Взошла надежда, как росток,
Раскрыла трепетный листок.
Вы были для нее, как луч,
Сверкнувший из-за черных туч.

Весенним половодьем вновь
Ворвалась в сердце мне любовь,
Сносила надежные мосты
Во имя Вашей красоты.

¹ Асылджан — имя, образованное из слов «асыл» — благо-
родная и «джан» — душа.

* * *

Асылджаң, не знаю, что со мной,
Взбудоражил душу вальс лесной,
В полночь я танцую и пою.
Асылджаң, ты слышишь песнь мою?

Помнишь ли ты тот зеленый лес,
Что открыл нам чудо из чудес?
Помнишь, как рукой меня маня,
Ты бежала лесом от меня?

Помнишь, как упала мне на грудь?
Помнишь? Заклинаю, не забудь.
Бесконечно длится этот миг,
Ибо был прекрасен и велик.

Закружился вальс лесной... На нас
Снизомел покой в зеленый час.
Побеги опять, чтобы я мог
За тобой бежать, не чуя ног.

* * *

Асылджаң, ты молния разящая,
У меня в груди огнем горящая,
Прикажи — и упаду к ногам,
Прикажи — и жизнь тебе отдам.
Стань моей, послушайся совета,
Будет жизнь твоя теплом согрета,
Буду я всю жизнь тебе служить,
Буду каждым мигом дорожить.
Рядом к счастью будем мы идти,
Только не бросай на полпути.

* * *

Полночь. Светит в окно луна,
Красоты и тайны полна.
Далеко уносят мечты,
По предел их полета — ты.

Всю Вселенную заслонив,
Льется только один мотив,
Словно зов золотой трубы,
Словно звонкая песнь судьбы.

Асылджан, о тебе та песнь,
Пока я во Вселенной есть,
Пока я на тебя молюсь,
Пока сердцем к тебе стремлюсь.

Я опять тревогой томим:
Может, ты в этот час с другим,
Может, он ласкает тебя?
Умираю от гнева я.

Мысль спасеньем приходит вдруг:
Может быть, ты одна, мой друг,
Может, ты в ночной тишине
Тоже думаешь обо мне?

Утро. Выходит звезда Чолпон.
Вот мой стих, мой любовный стоп.
Ты прими меня, Асылджан,
Исцели от любовных ран.

* * *

Красавица одна на свете есть,
Готов ловить о ней любую весть.
Совсем меня с ума свела она,
Любовь рассудка, видно, лишена.

Былой покой обратно не вернуть.
Тоска по ней огнем сжигает грудь.
Мне кажется: пожара сизый дым
Меня до срока сделает седым.

Сержусь я на красавицу свою, —
Ей дела нет, что скоро я storю,
Ей дела нет, что я седой почти.
Нет, не хочу к жестокой я идти.

Давно пора мне сделаться умней.
Пусть думает, что холоден я к ней,
Пусть думает, что исцелился я,
Что потеряла навсегда меня.

Но ненадолго мне хватает сил,
Поскольку без любимой свет не мил.
И вот опять измученный, в бреду,
Покорно я к красавице бреду.

Забыт весь мир из-за нее одной.
Что хочет, то и делает со мной.
Пусть, что угодно люди говорят, —
Я по ее приказу выпью яд.

Красавица одна на свете есть,
Готов ловить о ней любую весть.
Совсем меня с ума свела она,
Любовь рассудка, видно, лишена.

* * *

Я влюбился в самую достойную,
В женщину годами меня старше,
Я влюбился в самую спокойную,
Что она теперь безумцу скажет?

Я влюбился в самую красивую,
Как Меджнун, везде брожу за нею,
Я влюбился в женщину счастливую,
К ней несчастной страстью пламенею.

Я влюбился в самую бесценную,
Я влюбился в самую прекрасную,
Я влюбился в необыкновенную,
Скоро ли победу я отпраздную?

Кружатся вокруг нее моления,
С безутешных уст моих слетая,
Падаю пред нею на колени я,
Но молчит в ответ моя святая.

* * *

Увидел Вас, и взгляд стал зорек,
Стою, восторга не тая.
Хоть мне за сорок, мне за сорок,
Вернулась молодость моя.

Увидел Вас, и сердце сразу
Забилось трепетно в груди,
И приказать не властен разум,—
Пройди, опомнись, не гляди!

Увидел Вас и сразу в небе
Взошла звезда моя Чолпон,
И сразу стала былью небыль,
И явью стал забытый сон.

* * *

Я люблю Вас, Вам не говоря,
Вас от сплетен злых оберегая.
Вы — моя вечерняя заря,
Вы — моя отрада дорогая.

Я люблю Вас, всей душой люблю,
Встретив Вас, совсем язык теряю,
Я мученья многие терплю,
Ваше имя тайно повторяю.

Я боюсь Вас словом оскорбить,
Устремив мечту о Вас к зениту.
Видно, Вам подобную любить,
Все равно что в ад попасть джигиту.

* * *

Увидел Вас, и взгляд стал зорок,
Стою, восторга не тая.
Хоть мне за сорок, мне за сорок,
Вернулась молодость моя.

Увидел Вас, и сердце сразу
Забилось трепетно в груди,
И приказать не властен разум,—
Пройди, опомнись, не гляди!

Увидел Вас и сразу в небе
Взошла звезда моя Чолпон,
И сразу стала былью небыль,
И явью стал забытый сон.

* * *

Протянешь кумыс в переполненной чаше,
Я пью, бесконечно питье мое длится.
Колдующей над молоком кобылицы,
Тебе, чаровнице, готов я молиться.

Протянешь кумыс в переполненной чаше,
Меня ущипнешь незаметно за палец.
Такие надежды мне в сердце запали,
Что думать нельзя о возможной опале.

Протянешь кумыс в переполненной чаше,
Кокетка, меня избрала ты мишенью,
Как быстро, как сладко я нынче пьянею...
Когда я смогу целовать твою шею?

* * *

Ты чащу песен¹ протянешь, и я не в себе.
О, чернокозая, есть в тебе сладкая тайна,
Ведь наша встреча с тобой далеко не случайна.
Может, поэтому нынче певец не в себе?

Ты чашу песен протянешь, и я не в себе.
О, черноглазая, как выразительно чувство,—
Что перед ним драгоценное наше искусство?
Может, поэтому нынче певец не в себе?

Ты чашу песен протянешь, и я не в себе.
О, чернобровая, скрыть не могу я смятенья,
Видишь, готов покраснеть пред тобой от смущенья.
Может, поэтому нынче певец не в себе?

Ты чашу песен протянешь и я не в себе.
О, чернокишечница, долго меня ты не мучай,
В сердце стучится судьбою дарованный случай.
Может, поэтому нынче певец не в себе?

¹ Во время национальных состязаний в импровизации, остроумии, песни каждому участнику передается, так называемая, чаша песен, которую не сумевший проявить себя обязан выпить до дна.

* * *

По голосу-бубенчику соскучился,
По озорному смеху я соскучился.
По радостям короткого свиданья,
По нашим ласкам, милая, соскучился.

По жарким поцелуям я соскучился,
По неожиданным слезам соскучился,
Переходившим иногда в рыданья,
По твоему характеру соскучился.

По радужным рассветам я соскучился,
По свету лампы ласковой соскучился,
Что зажигала ты в час ожидания,
По прошлому, любовь моя, соскучился.

* * *

Курю я, когда Асылджап моя плачет в постели.
Курю, когда кажется, что ей стихи надоели.
Курю, когда я ей сомненья свои поверяю.
Курю, когда кажется, что я ее потеряю.

Что буду я делать? Налью себе в чашу вина.
Коль сердце разбито, пусть будет хоть чаша полна.
Пить буду вино я, пусть радость доставлю врагам.
...Но я Асылджап все равно никому не отдам.

* * *

Злым судом меня не суди,
Верь не всякому слову-олову.
Ты, любимая, погляди
На мою повисшую голову.

Возвратилось добром добро.
Книгу жизни любовь листает...
Это из-за тебя серебро
В волосах моих черных блистает.

* * *

Издеваешься или шутишь?
Что ж ты душу мою мутить?
Не пойму никак, плутовка,
Где игра, а где издевка?

От обиды сердце сжалось.
Неужели это шалость?
Слово каждое — ожог...
Не шути с огнем, дружок!

* * *

Вот, послушай еще словечко,—
Ты чиста, как горная речка,
Мне из речки той пить и пить,
Вечной жажды не утолить.
Если лгу, хоть лгуном я не был,
Пусть меня покарает небо.

* * *

Стосковавшись бы шею твою целовал,
Стосковавшись бы жарко тебя миловал,
Стосковавшись бы жадно ловил твои взоры,
До утра бы с тобой продолжал разговоры,
Вечно в памяти б те разговоры берег,
Чуткий утренний сон твой, как страж бы, стерег.

Для тебя б реку бурную я перекрыл,
Для тебя бы я клад драгоценный отрыл,
Как верблюд, на колени бы встал пред тобой,
За тебя бы пошел на погибельный бой,
За тебя бы я пал в этом самом бою,
А покуда я жив, о тебе я пою.

* * *

Речи мои горячи и подробны,
Вы в моем сердце царите одна.
Чувства мои океану подобны,
Вас же пугает его глубина.

Не потому ль Вы меня сторонитесь,
Если с моим перекрестится путь,
Что утонуть в океане боитесь?
Как бы Вам после о том не вздохнуть...

* * *

Не слушаешься, если я велю,
Не слушаешься, если я молю.
Быть может, послушание найду,
Коль на колени я при всех паду.

Не слушаешься, если я грущу,
Не слушаешься, если даже льщу.
Быть может, послушание придет,
Когда последний час любви пробьет.

Не слушаешься ты себе во вред,
Не слушаешься, — длится этот бред.
Поймешь, что правда все-таки за мной,
Когда я стану пеплом и золой.

* * *

Мысли мои светлы,
Словно на небе звезды:
Губы твои теплы,
Речи нужны, как воздух.

Мысли мои легки,
Словно горные реки:
Касанье твоей руки —
Цепь для меня навек.

Мысли мои кипят,
Словно Нарын кипучий:
Один твой пасмурный взгляд
На сердце ложится тучей.

* * *

Глазами тебя ищу,
Зову и притягиваю,
Призывно платком машу,
При встрече с тобой вздрагиваю.

Но есть вопрос, на него
Ответ мне пока неведом:
Коль ты дороже всего,
Чего ж не бегу следом?

* * *

Юный смех твой задиристо звонок.
Эту жизнь принимая шутя,
Ты еще совершенный ребенок,
Ты еще озорное дитя.

Ты легко на веселье сменяешь
Свой мгновенный безудержный гнев,
То целуешь, а то прогоняешь,
Настроением моим овладев.

Я признаться готов перед светом
В том, о чем догадался тайком,—
Ты ребенок, я знаю об этом,
Но во власти твоей целиком.

* * *

Если ты согласишься строго,—
Испытав тоску большую,
От желанного порога,
Словцо нищий, уйду я.

Если ты мне улыбнешься,—
То расправишься с тоскою,
Словно к сердцу прикоснешься
Доброй, ласковой рукою.

Если же пойдешь ты рядом,—
Мир в глазах моих заплывет,
Расцветет весенним садом,
Веткой розовой замашет.

Если ты меня оставишь...
Впрочем, этого не нужно,
Когда ты судьбою правишь,
Станем жить с тобою дружно.

* * *

Асылджан, прости меня, что я
Холоден у твоего огня.
Верь, любовь, как молоко, бела.
Верь, она такая ж, как была.

Ревновать, поверь мне, труд напрасный.
Не сердись на друга, свет мой ясный,
И не плачь, а выслушай сперва
Объяснения этого слова.

Просто мне подумалось сейчас, —
Не у всех на свете, как у нас.
Вместе мы, а кто-то разлучен,
Кто-то на страдания обречен.

В час, когда слова ты слышишь эти,
Кто-то умирает на планете.
В миг, когда тебя целует друг,
Кто-то завершает жизни круг.

Где-нибудь горят, а где-то тонут,
Люди те кричат и громко стонут,
Сердце разрывается на части,
Не могу укрыться от напасти.

То Вьетнам я вижу, то Анголу...
Вот, глаза не опуская долу,
Узник, кандалы свои влача,
Смело смерти ждет от палача.

Вот младенцы плачут на руинах...
Рвутся бомбы где-то на равнинах,
Раздаются выстрелы в горах,
В нашем мире, не в иных мирах.

Для убийц жестоких нет закона.
Может, генерал из Пентагона,
Никаких не ведая помех,
В этот миг сгубить решает всех.

Никуда от бед земных не деться.
Оттого и кровоточит сердце,
Что весь шар земной мне лег на плечи...
От такого и любовь не лечит.

* * *

Асылджан, мой ангел чистый,
Больно сжала грудь кручина.
В чем же боли той причина?
Я змеей укушен серой,
Я своей обманут верой,
Помоги мне, ангел чистый!

Асылджан, мой ангел чистый,
Что беды моей виною?
В бедном сердце раны поют,—
То друзей моих услуги,
То предательство подруги,
Помоги мне, ангел чистый!

Асылджан, мой ангел чистый,
Если ты помочь готова,
Верь, я не нарушу слова,—
За тобой пойду по свету.
Тверже клятвы этой нету,
Помоги мне, ангел чистый!

* * *

Не верь ты смеху моему,
Совсем не весел я,—
Ютится в сердце, как в дому,
Коварная змея.

Страданий горькие года
Свились в клубок, душа.
Оледенела глыбой льда
Усталая душа.

Не трогай этот тяжкий лед,
Ведь в нем судьба и суть,
Он бытие мое прервет,
Коль сдвинется чуть-чуть.

* * *

Я страстно женщину любил,
Я все оставил, все забыл.
Но предала она меня,
И плакал я, ее кляня.

И клялся я, что больше вновь
Не привлечет меня любовь,
Что буду холоднее льда
В оставшиеся мне года,

Что, помня горькую весну,
Я сам любую обману,
Сам красноречьем увлеку,
Сам на страданья обреку.

Как говорить я это мог?
О, женщины, у ваших ног
Теперь прощенья я молю,
Поскольку заново люблю.

Поскольку женщиной одной
Я пробужден к весне иной,
Поскольку, словно раб, я рад
Пойти за ней и в рай и в ад.

* * *

Выйдя в путь темной ночью,
Вижу вдали огонек.
Ночь мне беду пророчит,
Труден путь и далек.

Выйдя в путь ночью вьюжной,
Вижу далекий свет
К цели добраться нужно,
Только дороги нет.

Ты для меня, желанная,
Светильник зажгла, любя,
Ты — моя цель главная,
Но долог путь до тебя.

* * *

Телефон мой, опять ты молчишь,
Замерев в напряженном покое,
Иль недоброе что-то таишь,
Или чувствуешь что-то плохое.

Разгадать я тебя не берусь,
Что творится с любимой — не знаю.
Разгони, телефон, мою грусть,—
Я заклатьем любви закливаю.

Ну, рассынь же серебряный звон,
Расколи на осколки сомненье,
Дай услышать скорей, телефон,
Милой женщины сердцебиенье.

Я не слышал его так давно,
Дни молчанья меня истомили,
Донеси хоть словечко одно,
Чтоб я знал, что меня не забыли.

Прозвени, донеси, доскажи,
Что когда-то она не успела,
Докажи, телефон, докажи,
Что звезда моя не отгорела.

Телефон мой, опять ты молчишь,
Замерев в напряженном покое,
Иль недоброе что-то таишь,
Или чувствуешь что-то плохое.

* * *

То огоньки, то льдинки
Ты даришь мне, мой друг.
В глазах твоих — смешинки,
А то — слезинки, вдруг.

Где случай, а где норма?
Как быть с такой шальной?
То вся — сплошной минор ты,
То вся — мажор сплошной.

Чем сердце успокою?
Ведь я в тебя влюблен,
Изменчивой такую
Плепел и покорен.

* * *

Любовью нежной дни твои полны,
Ты каждый день спешишь домой с работы,
Зовет тебя долг преданной жены
И материнства сладкие заботы.

Ну, а мои завязаны пути
Судьбой жестокой в непослушный узел,
Я не хочу, но вынужден идти
В дом без жены и без детей, как узник.

Мой бедный дом, свидетель неудач,
Дом, где любви своей сказал: «Не верю».
Шаг замедляю, словно ждет палач,
Меч обнажив, меня за этой дверью.

Над головой моею — острее,
И сам я эту кару призываю,
Когда, припомянув прошлое свое,
Ночами горько слезы проливаю.

Порою мне на ум приходишь ты,
Но это тоже счастья не припосит,—
Неверие опять мои мечты
Безжалостной косой под корень косит.

Стучатся в дверь, как путники, всю ночь,
Ища ночлега, мрачные сомненья,
И не прогнать гостей незваных прочь,
Хоть мне они сулят одни мученья.

Нет, я не прав,— они несут с собой
Не только боль, но строк удачных радость,
И я почти готов на новый бой,
Как будто бы моя вернулась младость.

Но сердцу, чтобы ожило оно
Для нового горения и спора,
Сегодня не хватает одного,—
Чтоб ты была со мной, моя опора.

Любовью нежной дни твои полны,
Ты каждый день спешишь домой с работы,
Зовет тебя долг преданной жены
И материнства сладкие заботы.

* * *

Коль виновен, то ты на меня
Не гляди, умоляю, без гнева.
Разве можно, себя не цenia,
Так смотреть, если ты королева?

Асылджап, будь со мною горда,
Непреклонна в любом повеленье.
Я сильней затоскую тогда,
Я скорей упаду на колени.

Никогда не стремиться к рабе.
Так не дай же мне сердцем остынуть,—
Я так долго мечтал о тебе,
Что боюсь разлюбить и покинуть.

* * *

Стосковался твой друг вдалеке,
В сердце облик любви сберегая.
Асылджап моя в красном платке,
Дай хоть знать о себе, дорогая.

Покорюсь этой жаркой тоске,
Скоро лето мое постареет.
Асылджап моя в красном платке,
Приходи, приходи поскорее.

Может, строю я дом на песке?
Может, клятвы тобой позабыты?
Асылджап моя в красном платке,
Коль обидел тебя, то прости ты.

* * *

Снится мне красавица одна,
Кто, не знаю, хоть лицо знакомо.
Руку подаю ей, но она
Исчезает, темнотой влекома.

Я ее порою среди дня,
Издали кивающей мне вижу,
Но она не узнает меня,
Стоит только подойти к ней ближе.

Отвечай, какую ты игру,
Незнакомка, завела со мною,
Это все не приведет к добру,
Дорогой оплатится ценою.

Выдумка моя, мечта моя,
Ищущая в жизни воплощенья,
Призрачностью странною томя,
Долго не испытывай терпенья.

* * *

Целые твои груди — не гроздь ли винограда?
К ним я тянусь руками, но далека услада.
Пара смородины черных — то не твои ль глаза?
Ах, неужели, мне их поцеловать нельзя?

Не описать словами гибкости дивных линий,
Что сотворили шею, шею твою павлинью.
Знаю, мои старанья да и степенья зря,
Не описать словами щек твоих яштаря.

Знаю — слова бессильны, знаю — сравненья грубы,
Но ароматом мускуса благоухают губы,
Но на плечах твоих пряди так же черны, как ночь,
Но неизвестно, что мне может в любви помочь.

* * *

Когда бы ты не женщиной, а озером была,
Меня бы ты, как рыбу, в глубины увлекла,
На волю волн отдался б, рассудку вопреки,—
Прими мои восторги, любимым нареки.

Когда бы ты не женщиной, а цветником была,
Все сделал бы, чтоб ярче, пышнее ты цвела,
С мечом в руках я стал бы хранить твои цветы,—
Прими мою охрану, прими защиту ты.

Когда бы ты не женщиной, а зоренькой была,
Хотел бы, чтоб жарче меня ты обняла,
Чтоб до утра от счастья я сам горел огнем,—
Прими мой жар сердечный, побудь со мной вдвоем.

Когда бы ты не женщиной, а солнышком была,
Согласен, чтоб лучами меня дотла сожгла,
Не уходи за горы, не исчезай за лес,—
Прими мою покорность, свети, сияй с небес.

Когда бы ты не женщиной, не женщиной была...
Но, Асылджан, ты женщиной прекрасной в мир пришла,
В одной тебе вся горечь, в одной тебе вся сласть,—
Казни меня или милуй, твоя на это власть.

* * *

Жди, коль запоздала та, что любишь,—
Нетерпением ты любовь погубишь.
Жди, джигит, и помни — это счастье
Ждать ее и в солнце и в несчастье.

Ожидание — любви основа.
Если бы я мог влюбиться снова
Так, как только в молодости можно —
Трепетно, доверчиво, тревожно.

Ждал бы я любимую послушно.
А тебе понять сегодня нужно:
Счастье ждать, увы, не всем дано,
Так цени, покуда есть оно.

* * *

Спасибо тебе, моя радость,
Мной в небо взнесенное облако,
За то, что обрел свою младость
В красе сбереженного облика.

За то, что когда-то любила,
За то, что свиданья искала,
За то, что меня не забыла,
За то, что письмо написала.

И снова приснилась мне ночью
Волос твоих дивная россынь,
Я словно увидел воочью
Твою легкокрылую поступь.

Приснилось, как Ак-Буурою,
Рекой нашей, мы любовались.
Приснилось, как внешней порою
Украдкою мы целовались.

Приснился мне взгляд твой зовущий,
Стыдливый румянец на коже.
Приснилось, как сад нас цветущий
Надежно укрыл от прохожих.

В красе сбереженного облика,
Любовью навеки живою,
Ты вечно, как белое облако,
Паришь над моей головою.

* * *

Поглядишь на меня сурово,
И в душе утрачен покой,
По родному городу снова
Я брожу, как нищий какой.

Тронет губы твои усмешка,
Расцветает житье-бытье,
Радость яркая, не замешкав,
Наполняет сердце мое.

А когда пройдешь со мной рядом,
Подо мной качается мир,
Жизнь волшебным кажется садом,
Приглашающим нас на пир.

Если бросишь меня, заплачу,
Проклиная свою беду,
Но тоски от людей не спрячу,
Ибо в них спасенье найду.

* * *

Ты в снах моих нежна, как южный хлопок,
И потому я наяву так робок.

Ты в снах напоминаешь соловья,
И наяву стал молчаливым я.

Ты в снах моих душиста и прекрасна,
И потому так явь моя опасна.

Поскольку я всего лишь человек,
Боюсь я стать твоим рабом навек.

* * *

Ты проходишь — маки в полях зацветают,
Ты проходишь — птицы песнь затевают,
И струится следом благоуханье,
И любое славит тебя дыханье.
В стороне, волнуясь, один стою.
Скоро ль сбудется то, что в душе таю?
Скоро ль счастью навстречу пойдем мы вместе?
Скоро ль людям скажу о своей невесте?

Ты смеешься — клад золотой рассыпаешь,
Горделиво ты по земле ступаешь.
Красота такая подобна чуду,
Ведь не даром о ней говорят повсюду.
Но, как лань, осторожна ты и пуглива,
Но, как жеребенок, ты шаловлива.
Я испуган этой твоей повадкой,
Наблюдая за ней иногда, украдкой.

Разговор с тобой веду осторожно, —
Мне спугнуть тебя никак невозможно,
Потерять тебя для меня — страданье,
Слишком долго тянется ожиданье.
Но ты смотришь ласково и душевно,
Отвечаешь вежливо и безгневно,
Принимаю я уваженья знаки,
И цветут надежды мои, как маки.

И цветут слова твои алым цветом,
И алеют щеки твои при этом,
И цветет твой ясный лик предо мною

Красотой нездешнею, неземною.
Нет, не прав я — то красота земная,
Оттого-то людям она родная,
Потому-то людям она угодна.
Пусть живет красота, что тебе подобна!

* * *

Я влюблен в тебя, мудрая женщина,
Та, что знаньем высоким увенчана,
Та, чей разум сияет звездою
Над красою твоей молодою.

Красотою твоей опаленные,
Зря плетут свои сети влюбленные,
Зря они твоей статью любят,
Вновь одна ты проходишь по улице.

Мне лениво кивнув головою,
Под зеленой проходишь листвою,
И не вспомнишь потом о прохожем,
На десятки таких же похожем.

За тобой незаметно я следую,
На судьбу неизменно я сетую,
На свою роковую стыдливость,
На большую твою горделивость.

Ну, за что мне подобная мука!
Я бы жизнь свою отдал без звука,
Я с любою поспорил бы бурей
За тебя, моя райская гурья.

О, послушай же, мудрая женщина,
Та, что разумом высшим увенчана,
Несмотря на дела и заботы,
Снизойди до раба своего ты!

* * *

Любовь — это чудо, спасенье от бед,
Не зря мудрецы говорят:
Коль ценишь ее — это сладкий шербет,
Обидишь ее — горький яд.

Я в юности тоже шербету испил,
Я тоже себя забывал.
Я тоже надеялся, тоже любил,
Рукою луну доставал.

Но сам в это чудо захлопнул я дверь,
Но сам подружился с тоской,
И сердца изменчивость гонит теперь
Меня от одной к другой.

Торопятся очень шальные года,
И всем нам одно суждено,
Но первое чувство, оно навсегда,
Как высшее благо, дано.

Любовь — это чудо, спасенье от бед,
Не зря мудрецы говорят:
Коль ценишь ее — это сладкий шербет,
Обидишь ее — горький яд.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЧИЗНА МОЯ — АЛА-ТОО

В этом доме:

Ностальгия	
В этом доме	7
Ак-Калпак'	8
«Мой народ киргизский...»	10
Столица моя	11
Мой город Ош	12
«Казахский народ...»	13
«Скажи Нарын...»	14
«Когда я прохожу по Красной площади...»	15
Праздник у нас в Ала-Тоо	16
Письмо с Джайлоо	17
Алайские мотивы	18

«Снятся мне Чон-Алая большие просторы...»	19
«Есть перевал на Чон-Алае...»	19
«За Чон-Алаем есть киргизы тоже...»	20
«Скучаю по кумысу Чон-Алая...»	20
«Кто никогда не попробовал пенный кумыс Чон-Алая...»	21

Стихи о матери

«Мама, мама, сын твой просит...»	23
«Помню, мама меня корила...»	24
«Я с чудовищем страшным во сне...»	25
«Апаке, пусть в земле тебе будет мягко...»	26
«Апаке, океану подобно горе...»	27
«Апаке, побелела твоя коса...»	28
«Апаке, хочу я сказок твоих...»	30
«Апаке, расскажи про Джайлоо...»	31
«Апаке, я рыдал на твоей могиле...»	33
«Во сне сегодня радость праздную...»	34
«Во сне опять я растревожил рану...»	35
«Красны горы Джатапа...»	36

Стихи об Иссык-Куле

«Вздымается волна, как спящая гора...»	37
«Мой Иссык-Куль, забыв о всех кручинах...»	38

«Иссык-Куль, твои волны, как горы...»	39
«Какая музыка звучит над Иссык-Кулем...»	40
«Не гнечи судьбу, коль тебе...»	41
«Я готов на признанье...»	42
«Синей, лежит здесь озеро...»	43
«Иссык-Куль, я так тобой пленен...»	44
«Синь надо мною, и синь подо мною...»	45
«Как озеро, волнуется душа...»	46
«Сегодня мне подумалось такое...»	47
«Кто это выходит — солнце или ты?..»	48
«На озерный берег встану в тоске...»	49
«Пишешь, чурек моя, что ты скучаешь...»	50
«Плавая по озеру, я взглянул на дно...»	52
«Ты — рыба Иссык-Куля с плавниками ловкими...»	53
«Прощай, Иссык-Куль, дорогая святыня...»	55

Звезды души моей

Друг Хафиз	56
Пушкин ага	58
«Побывав на тое у Бердаха...»	59
Почему кровавы сны мои	60
«Коня светлосерого хлещет камчой Алыкул...»	61
Смерть поэта	62
Разговор с Алыкулом	64
Белый конь бьет землю копытом	65
Памяти Бюбюсары	66
Чингизу Айтматову	67

Времена года

Времена года	70
Осенние элегии	71
«Поздней осенью листья желтеют...»	73
Этюд	74
Думы о дожде	75
«Первое марта сегодня уже на дворе...»	76
Здравствуй, месяц мой весенний	77

Время познания

Моя гордость	79
«Под крылом стремительной эпохи...»	80

Признание	81
«В детские годы я с кетменем...»	82
Думы о счастье	83
«Замечтаюсь — и мне девяносто девять...»	84
Другу	85
Обращение к друзьям	86
Наставление джигиту	87
Настроения	88
Дума	89
Размышления в долгие ночи	90
«Мне чувство сострадания слепое...»	92
Надежды	94
«Разочаровался в дружбе и любви...»	95
«Мне сегодня ровно тридцать три...»	96
«В юности не делал я долгов...»	97
«В этой жизни все конечно...»	98
«Жизнь прекрасна: в ней жар и холод...»	99
Спасибо	100
«Я, следуя сердечному указу...»	101
«Посмотри мне в глаза, приятель...»	102
Я ошибся	103
Думал — друг	104
Обращение к бывшим друзьям	105
Отцовское завещание	108
Воспоминания	109
Обращение к журавлям	110
Да здравствуют горелья!	111
Жить интересно	113
Песнь о старости	114
«Был я счастлив когда-то...»	115
«Если стих пронзит тебя, как молния...»	116
Пишущему стихи	117
«Писать стихи — мученье...»	118
«Хочешь выслушать совет...»	119
Стихи, еще не созданные мной	120
Колыбельные	121

ОСТРОВ ЛЮБВИ

Остров любви	125
Моя исповедь. Поэма из отдельных стихотворений	126
Поэма об Асылджан	188

Бобулов Камбаралы

ОСТРОВ ЛЮБВИ

Книга стихов

Перевод с киргизского
Светланы Кузнецовой

Рецензенты *А. Марченко, В. Шаповалов*
Редакторы *Р. Горбачева, Н. Пустынников*
Художник *Л. Ильина*
Худож. редактор *Г. Куценко*
Техн. редактор *Л. Шевченко*
Корректор *Л. М. Шейко*

ИБ № 1937

Сдано в набор 14. 04. 1982 г. Подписано к печати 23. 06. 1982 г. Д—02995. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага мелованная 115 гр. Обыкновенно-новая гарнитура. Печать высокая. 7,5 физич. печ. л. 10,5 условн. печатных листа, 5,215 учетно-изд. л. 10,675 усл. кр.-отт. Тираж 10.000. Заказ 189. Цена в переплете № 4 80 к. (1000 экз.), цена в переплете № 5 85 к. (9000 экз.).

Издательство «Кыргызстан»
720737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Кыргызской ССР
Госкомиздата Кыргызской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

ST. B.

10c